

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Михаил
ДОМОНОСОВ

ТРАГЕДИИ

ImWerdenVerlag
München 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ТАМИРА И СЕЛИМ.....	3
ДЕМОФОНТ	53
КОММЕНТАРИИ	105

© М. В. ЛОМОНОСОВ «Избранные произведения»
Вступительная статья, составление, примечания А. А. МОРОЗОВА
Подготовка текста М. П. ЛЕПЕХИНА и А. А. МОРОЗОВА
Ленинград, «Советский писатель», 1986.

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2006
<http://imwerden.de>

ТАМИРА И СЕЛИМ

Краткое изъяснение

В сей трагедии изображается стихотворческим вымыслом позорная погибель гордого Мамаю царя Татарского, о котором из российской истории известно, что он, будучи побежден храбростию московского государя, великого князя Димитрия Иоанновича на Дону, убежал с четырьмя князьями своими в Крым, в город Кафу, и там убит от своих. В дополнение сего представляется здесь, что в нашествие Мамаево на Россию Мумет царь Крымский, обещав дочь свою Тамиру в супружество Мамаю, послал сына своего Нарсима с некоторым числом войска на вспоможенне оному. В его отсутствие Селим, царевич Багдатский, по повелению отца своего перешед через Натолию, посадил войско на суда, чтобы очистить Черное море от крымских морских разбойников, грабивших багдатское купечество. Сие учинив, приступил под Кафу, в которой Мумет, будучи осажен и не имея довольных сил к сопротивлению, выпросил у Селима на некоторое время перемирия, в том намерении, чтобы между тем дожидаться обратно с войском сына своего Нарсима. После сего перемирия в первый день следующее происходит в Кафе, знатнейшем приморском городе крымском, в царском доме.

Действующие лица

Мумет, царь Крымский.
Мамай, царь Татарский.
Тамира, царица Крымская, дочь Муметова.
Селим, царевич Багдатский.
Нарсим, царевич Крымский, брат Тамирин.
Надир, брат Муметов.
Заисан, визир Муметов.
Клеона, мамка Тамирина.
Два Вестника.
Воины.

Действие первое

Явление первое

Тамира и Клеона.

Тамира

Настал ужасной день, и солнце на восходе,
Кровавы пропустив сквозь пар густой лучи,
Дает печальной знак к военной непогоде,
Любезна тишина минула в сей ночи.
Отец мой воинству готовиться к отпору
И на стенах стоять уже вчера велел.
Селим полки свои возвел на ближню гору,
Чтоб прямо устремить на город тучу стрел.
На гору как орел всходя он возносился,
Которой с высоты на агньца хочет пасть;
И быстрой конь под ним, как бурной вихрь, крутился,
Селимово казал проворство тем и власть.
Он ездил по полкам, пока тень мрачной ночи
Закрыла от меня поля, его и строй.
Потом и томные хотя сомкнулись очи,
Однако видела его перед собой;
Во сне ли было то, или то было в яве:
Смущался мыслями сон, смущались мысли сном;
Селим казался мне великолепен в славе,
Таков осанкою, Клеона, и лицом,
Как в перемирны дни скакал перед стенами,
Искусством всех других и взором превышал,
И стрелы пущенны уже под облаками
Направленными вслед стрелами рассекал.

Клеона

Багатско воинство умножилось без счота!
При восходе светлыя я видела луны,
Что мосты, и пути, и городски ворота
Противных силою везде осажены.
Ночно молчание боязнь усугубляло,
И слезы по лицу бледнеющих лились.

Тамира

Теперь сражение конечно уж настало;
Клеона, посмотри и скоро возвратись.

Явление второе

Тамира

(одна)

О как смущен мой дух! я знаю и заочно,
Селим противу стен стоит наперед.
Боюсь, чтоб кто его не ранил ненарочно
И не вонзил стрелы от нас в его груди!
Я ей не чаю быть такого кровопивца,
Кто б с умыслу хотел направить лук в него!
О небо, отврати свирепого убивца
И сокрушить не дай тем сердца моего!
Ах, что я делаю? что в мысли я имею?
Я тем родителя и бога прогневаю,
Что общего врага отечеству жалею!
Никак, Селимом я пленилась и люблю?
Однак и без любви ему ль желать мне року?
Тот злою львицею в пустых горах рожден,
Кто, видя с младостью природу в нем высоко,
К жалению по нем не будет побужден.
Что он противу нас вооружился в поле,
Сыновняя любовь и должности велят.
И как родительской не согласиться воле?
Отец его, отец, не он нам сопостат.
Он счастлив, что ему есть в старости замена.
Благополучна мать, что в свет произвела!
И ежесть сестра, то коль она блаженна,
Что с лет младенческих с ним купно возросла!
Но коль родилась та на свет благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы с Селимом жить до смерти неразлучно!
О как волнуюсь я! какая внутри борьба!
Теперь я признаю, что некотора сила
Неосторожной дух уже взяла во власть
И сердце нежное к Селиму преклонила:
К нему я чувствую в себе любовну страсть!
Любовь меня влечет его смотреть на стены.
Куда? и как? или на стрелы устремлюсь,
Что ныне против нас шумят как град сгущенный?
Но я уязвлена и стрел уж не боюсь.
Ах, что терзаюсь я, несчастная, не зная;
Селиму, может быть, в отечестве своем
Любима и любви залог взяла иная;
О чем крушуся я, не рассудя о чем?
Суровая война, тобою учинилось,
Что тот противник наш, которого люблю!
Однако где бы мне видать его случилось?

Я время суетным мечтанием гублю.
Не лучше ли просить от верных совету
И способов скоряй к отраде мне искать?
Однако ждать могу ль утешного ответу?
И как осмелюсь я Клеоне всё сказать?

Явление третье

Тамира и Клеона.

Клеона

Престань себя смущать, дражайшая царевна.
Какие вижу я премены на лице!
Оставь боязнь: в сей час минет судьбина гневна;
Весь страх мне кажется при самом быть конце.

Тамира

Никак, уж ворвались к нам в город сопостаты,
И превратился страх в отчаянну печаль?

Клеона

Теперь всходила я в высокие палаты
И на багдатские полки смотрела вдаль.

Тамира

Ты видела полки? ты видела Селима?

Клеона

Я видела, что он отшел уже от стен,
И кажется, что прочь совсем идет от Крыма,
Неведомо какой причиной побужден;
Я чаю, утомясь, не хочет больше бою.

Тамира

Никак, ему какой предатель изменил;
Иль отец объят нечаянно войною
И требует себе его на помочь сил.
Я чаяла конца, и по паденьи мнимом,
Оплавав кровь граждан и стен оставший прах,
Мне будет следовать во узах за Селимом
И при Евфратских жить невольницей брегах.

Клеона

Тот ужас миновал: военные снаряды
Противники всходя на корабли несут,
Кафа избавилась от грозных осады,
Что слезы по лицу, дражайшая, текут?
Никак, от радости? однако воздыханья
И твой прискорбной взор иное кажут мне.
Или ужасные и грозные мечтанья
Обеспокоили младую мысль во сне?
Или враги в ночном призраке победили?
Никак, представилось падение сих стен?
Что крымски городы и села пусты были,
Что царь и дом его был взят в поносной плен?

Тамира

Ах, если б то был сон, то б с мраком разрушился!
Однако бы и сон такой меня пленил!

Клеона

Или твой нежной дух любовью уязвился?
Но кто же бы тебя в любовь нынь уловил?
Скажи, царевна, мне; или тому быть можно,
Чтоб тайны мне твоей не должно было знать?

Тамира

Что хочешь слышать ты, то странно и безбожно,
Нигде не слыхано и ужасно сказать!

Клеона

Для сих ослабших рук, которыми носила
Тебя в младенчестве, смущенье отложи,
И вспомнив, как тебе я искренне служила,
Не обинуясь мне тоску свою скажи.
Чем долее она в закрытии таится,
Тем дух терзается сильнее от нея;
Но если объявишь, то может утолиться
Иль быть умеренна потом печаль твоя.

Тамира

Любезная моя и верная Клеона,
Коль тяжко мучусь я!

Клеона

О небо!

Тамира

Ах, Селим!

Противница отцу, преступница закона!
Врагом отечества и, может быть, своим...

Клеона

О боже мой! никак, ты тайно согласилась
И хочешь для любви отечество предать!

Тамира

То, небо, отврати! довольно, что прельстилась
Преступно и любви противницей желать.
Я бодрость и лице, Клеона, представляя,
Горю, и пламень мой гашением растет.
Не знаю, что начать! скажи мне, дорогая,
Что делать мне теперь, когда он прочь идет?
Уже все мысли с ним на берег обратились;
Я с ним, я с ним среди морских валов плыву,
И горы крымские от нас из виду скрылись.
Какой объемлет хлад и мрак мою главу!
Уедет о моей любви неизвестен
И слез моих себе не будет представлять!
Затем ли ты, Селим, казался мне прелестен,
Чтоб вечно по тебе без пользы воздыхать?

Клеона

Царевна, ты тоску напрасно умножаешь.
Последуй моему совету и забудь
Пусты мечтания, чем мысль отягощаешь,
И кровь кипящую к спокойствию принудь.
Селим, я слышала, о нежности не знает,
Он в поле только жить и на стану привык,
За полное свое блаженство почитает,
Когда оружной треск и в войске слышит крик,
Как стены падают и города дымятся,
Когда мечи блестят, течет по копьям кровь.
Ты сердцу дай покой, и полно сокрушаться:
Не могут вместе быть свирепство и любовь.

Тамира

За ним бы следовать ни горы мне высоки,
Ни конским топотом смущенный в поле прах,
Ни копья, ни мечи, ниже кровавы токи,
Ниже какой иной не возбранил бы страх.

Любовию горят нередко и герои;
От ней избавиться не можно никому.
Кому любезнее сражения и бои
И жить всегда в шатрах, как брату моему?
Однако ныне он последуя Мамаю,
Хотя в Российской край пошел вооружен,
Но мысли все свои, Клеона, верно знаю,
Все мысли клонит к той, которой уязвлен.
Возлюбленный мой брат! когда б ты здесь был ныне,
То я б в отчаяньи толиком не была;
Ты сделал бы конец жестокой сей судьбине,
Или б не допустил сего в начале зла.
Ты дал бы способ мне увидеться с Селимом;
Или бы к сим его не допустил стенам;
И я бы не была в мученьи нестерпимом,
Не показав такой приятности очам.
Теперь послушен ты неистовому зверю,
В котором варварство и гордость мне гнусна,
Кичливому ни в чем Мамаю я не верю,
Ему вселенная к владению тесна.
Подумав о своем возлюбленном Нарсиме,
Боюсь, чтоб не постиг такой его конец,
Что плач бы произвел и нестроенье в Крыме.

Клеона

Царевна, вот идет дражайший твой отец.

Явление четвертое

Мумет, Тамира и Клеона.

Мумет

Прошла военная гроза и неустройство,
Желанной мир настал, возлюбленная дочь,
И утверждается надежное спокойство:
В союз со мной вступив, Селим отходит прочь.
Поставленный сей мир мне больше тем приятен,
Что выгоды он мне нечаянны принес.
Сначала случай сей едва мне был понятен,
Что радость нам пришла внезапно вместо слез.
Однако ныне я причину вижу ясно,
Зачем спешит в союз со мной вступить Селим,
Ему прибытие Нарсимова ужасно,
Что скоро с воинством назад придет моим.
К Селиму, как ко мне, конечно, уповаю,
Пришла, мне радостна, ему печальна, весть,

Что Росская страна подверглась вся Мамаю
И сын мой поспешит полки сюда привести.
Сегодня лишь заря нам свет предвозвестила,
С поспешностью гонец прибеж с Донских полей
И весть принес, что вся Ордынска к бою сила
Противу россов шла, и россы против ней.
Но **Ольг** Резанский князь и князь **Олгерд** Литовский
Свои к Мамаевым поставили полки,
И с малым воинством Димитрий князь Московский
Противу стать дерзнул, оставшись близ реки.
Как буря шумная поднявшись после зною,
С свирепой яростью в зажженный дует лес,
Дым, пепел, пламень, жар восхитив за собою
И в вихрь крутой завив, возносит до небес
И нивы на полях окрестных поядает,
И села, и круг них растущие плоды;
Надежды селянин лишившись оставляет
Ревущему огню вселетные труды.
Подобно так Мамай единым вдруг ударом
Против Димитрия ордам лететь велел,
И в мужестве стремясь на полк противный яром,
Скакал с мечем своим чрез бледны кучи тел.
Российские в крови повержены знамена,
И князь Московский был отсюду окружен,
И сила войск его слабела утесненна:
Сомненья нет, что он Мамаем побежден.

Тамира

Мне равно как тебе, родитель мой, приятно,
Что радостная весть пришла в спасенный град;
Однако будет мне утешнее стократно,
Когда приедет здрав возлюбленный мой брат.
Ах, небо, помоги желанного достигнуть
И поспеши к концу намерений моих!

Мумет

Я к большей радости могу тебя подвигнуть,
Возлюбленная дочь: Мамай тебе жених.

Тамира

Мамай! о боже мой!

Мумет

Востока обладатель
И победитель всех полночных ныне стран,
Союзник искренней и верной мне приятель

Судьбой и мной тебе в супружество избран.
Имея многие под областью народы,
Тамира, будет он тобою жить пленен
И станет оной плен дороже чтить свободы,
Хотя ему восток и север покорен.
Возлюбленная дочь, что очи потупляешь?
Я стыд девической в тебе весьма хвалю,
И что вздыхаючи ты брата ожидаешь,
Природную к нему любовь твою люблю;
Однако ныне ты похвальную стыдливость
И мысли смутные о брате отложи,
И, на отеческу смотря нетерпеливость,
Согласна ли, ты мне немедленно скажи.

Тамира

Что я с младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешь сам;
Своею почитать не отрицаюсь долю,
Которую мне дать угодно небесам.
Однако рассуди мои младые лета
И в возраст мне прийти в дому твоём позволь.
Я буду почитать, что я живу вне света.
Как если без тебя я буду жить средь поль!
И как подумать мне, что я мила Мамаю?
И как могу сказать, чтобы он мне был мил,
Когда лица его и нравов я не знаю?
И как его мой взор заочно бы пленил?

Мумет

Оставь о сем ты мне, Тамира, попеченье
И верь, что будет толь меж вас крепка любовь,
Что лишь твое со мной минует разлученье,
То будет к одному кипеть Мамаю кровь.
Ты долженствуешь мой в востоке род восставить
И дружбу чрез родство с Мамаем утвердить,
Умножить нашу мочь и с ним себя прославить;
Мне польза, честь тебе велит его любить.

Явление пятое

Тамира и Клеона.

Тамира

Война и мир против моей любви воюет!
Противилась моим желаньям война;
Но ныне, Клеона, мир свирепее враждует;
Меня сильныя бурь колеблет тишина!

Сугубым бременем за что отягощаюсь?
В супружество дают тому, кто мне постыл!
Довольно ль, что того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мне казни выше сил!
Когда б еще война поныне продолжалась,
То мучил бы меня один лишь только страх,
Мне лучше, если б я Селиму в плен досталась,
Как славно царствовать в Мамаевых странах.
Ах, если б было то и я бы верно знала,
Что равным пламенем Селим ко мне горит,
То, слез поток пролив, отцу бы всё сказала,
Что дух мой и язык с тобою говорит.
Он, видя искренность, на плач бы преклонился
И нашу, может быть, любовь бы утвердил.
Или б и мой живот с надеждой прекратился,
В спокойстве, что уже Селим меня любил.
Но ныне ненависть в одну страну склоняет,
В другу отчаянье несчастную влечет.
Как на море корабль то буря похищает,
То вод стремление против нее несет;
Так я, противными страстями вдруг борима,
Не чая одолеть, должна против стоять.
Отчаявшись иметь в супружестве Селима,
Отчаявшись любить Мамаю, что начать?

Клеона

Ах, лучше то избрать, что подлинно известно,
Как оного желать, чему не можно быть.
Хотя Селимово лице тебе прелестно,
Но, праву следуя, старайся позабыть.

Тамира

Довольно и того, что права и законы,
Во обуздании любовну страсть крепят;
Довольно от стыда любовникам препоны,
Когда взаимной жар друг в друге знать хотят.
Но развращенной век насильства умножает;
Отеческа гроза, богатство, род и честь
Коль многих в вечное несчастье погружает,
Любви желающих достатки предпочесть.
Какая польза в том, что златом испещренный
И камнем драгим в глазах блестит чертог,
Когда мой будет дух, от оных отвращенный,
К тому всегда вперен, чего иметь не мог.
Дабы на мало лет восстановить союзы,
Родители дают свою залогом кровь,
На детские сердца кладут несносны узы:
В какой неволе ты, дражайшая любовь!

Я вам завидую, которы отдаленно
От гордых сих палат живете в тишине:
У вас веселие равно и непременно,
И прямо счастливы лишь только вы одне,
У вас вольна от уз живет любовь святая;
У вас не для отцов, но любят для себя,
Союзов никаких ни выгод не считая,
Но склонность лишь своих сердец употребля.
Коль счастлива была б, коль счастлива Тамира!
Когда б с ней был Селим в одном лугу пастух:
Не злато, не венцы, не царская порфира,
Но верная б любовь соединила двух.

Клеона

Одно тебе еще прибежище осталось.
Ты дяде мысль сию, царевна, объяви;
Спеши, пойдем, пока совсем не основалось
Супружество твоей противное любви.

Действие второе

Явление первое

Селим и Надир.

Надир

Мне радостен сей мир; но на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселие в себе.
Таков его был взор и бодрость в нем такая,
И именем и всем подобен был тебе,
Селим, которого любовь и добродетель
К Нарсиму и ко мне коль искренна была,
Тому прекрасный брег Геонских вод свидетель.

Селим

Седины вижу те и те черты чела!
Теперь мне небеса надежду укрепляют!
Возлюбленный Надир, тебя здесь вижу я,
Которого понынь места воспоминают,
Где праведна еще цветет хвала твоя,
Хотя и никому твой царской род незнаем,
Которой и друзьям твоим был потаен?
Но где твой сын, мой друг?

Надир

На брань пошел с Мамаем.
Однако он царем, не мной, на свет рожден.
Родившись от одной с Муметом я утробы,
Нарсима сыном звал, он звал меня отцом;
И не хотя, как ты, открыть своей особы,
Высочество таил в названии простом.

Селим

О щедрая судьба! Нарсим! он брат Тамире!
Приятель искренней! когда бы здесь он был,
То, может быть, при сем возобновленном мире
В желании моем мне промысл споспешил.

Надир

Его обратно царь всечасно ожидает.

Селим

Однако и твоя поможет мне приязнь.
Позволь мне объявить, чего мой дух желает;
Узнаешь нынешних от прежних мыслей разнь.
Тебе все склонности и жизнь моя известна,
Как был я в Индии с Нарсимом и с тобой;
Бывала ль красота очам моим прелестна?
Бывал ли нарушен любовью мой покой?
Всегда исполнен тем, что мудрые брамины ¹
С младенчества в моей оставили крови,
Напасти презирать, без страху ждать кончины,
Иметь недвижим дух и бегать от любви;
Я больше как рабов имел себя во власти,
Мой нрав был завсегда уму порабощен,
Преодолены я имел под игом страсти
И мраку их не знал, наукой просвещен.
Других волнения смотрел всегда со брегу.
Но нын под общей я подвержен стал закон
И мыслей быстрого сдержать несилен бегу,
Я им последую и отдаюсь в полон.
Не ради слабых сил оставил я осаду,
Любовь исторгнула из рук военных меч;
Тамира, не полки, была защита граду,
Она мне шлем с главы, броню сложила с плеч.

¹Индийские философы.

Надир

Что слышу я? и как?

Селим

Сквозь самы тверды стены,
Меж копей, меж щитов любви свободен путь.
Я в перемирны дни на град сей утесненный,
Приблизившись ко рву, едва успел взглянуть,
Прекрасны очи грудь пронзили из бойницы.
Смущен и изумлен спросил, как ехал прочь:
Мне пленник объявил, что смотрят тут девицы
И что Муметова в середине оных дочь.
С того часа война в крови моей восстала;
Я вам спокойство дав, с собою брань имел:
Любовь поставить мнр, честь к бою побуждала.
Вчера любовну страсть мой разум одолел.
Я в руки принял меч; но сердце вопияло:
Селим, на то ли ты дерзаешь устремлен,
Чтоб око нежное на кровь граждан взирало,
Которое меня в приятной взяло плен,
И чтоб в слезах лице Тамирино прекрасно
От падающих стен покрыл сгущенный прах.
Я сим движениям противился напрасно
И удержать не мог оружия в руках.
Дражайший мой Надир, познав причину мира
И дружбу вспомянув, потщись мне пособить.
Царю напомним, что может лишь Тамира
Триумф мой и сих стен мне целость заплатить.

Надир

Твои заслуги мзды толикия достойны,
Достойны качества и славный царский род;
Ты мысли между тем имей, Селим, спокойны,
Когда твой объявлю царю сюда приход.

Явление второе

Тамира, Селим и Клеона.

Тамира

Отраду, может быть, в моей печали крайней
Второй мне даст отец... кого я вижу здесь?
Клеона, ах! куда?

Клеона

О случай невзначайной!

Селим

О радостной восторг! я цепенею весь!
Драгая, не мятись сим взором необычным,
Но слуху своего глас слезный удостой
И красоте твоей воззрением приличным
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хотя учтивость мне и скромность возбраняет
Продерзостную мысль нечаянно открыты;
Но время краткое отнюдь не позволяет,
И сердце не дает движения таить.

(Становится на колена.)

Ты видишь пред собой, прекрасная царевна,
Тобой плененного презрителя любви;
Тобой мне будет жизнь блаженна иль плачевна.
Коль хочешь, оживи, коль хочешь, умертви.

Тамира

Каким смущаюсь я внезапно разговором!
Тебя, Селим, тебя могу я умертвить?
Коль странна речь!

(Поднимает его.)

Селим

Твоим пронзенно сердце взором
Бунтующей душе велит твоею быть.
Вотще против тебя, против себя воюю:
У стен, в полках, в полях твою сретая тень,
И в трубный шум твое я в мысли имя чую,
Тебя мне мрак ночной и ясность кажет в день.
Приятностей твоих везде мне блеск сияет;
Тобой исполнен я и в яве и во сне.
Недвижимый мой дух и крепость оставляет,
Я больше уж себя не нахожу во мне.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Поверь, что мой живот в любезной сей руке.

Тамира

Какое дать могу тебе я облегченье,
В лютейшей будучи погружена тоске?

Селим

Дражайшая, какой свирепости возможно
Тебе малейшую противность учинить?
Какое сердце есть на свете толь безбожно,
Которое тебя дерзает оскорбить?
Тебя, пред коею жар бранный погасает
И падают из рук и копья и щиты,
Геройских мыслей бег насильный утихает,
Удержан силою толикой красоты!
Но если ты меня, драгая, удостоишь
Причину твоего смущения узнать,
То свой ты через то и мой дух успокоишь:
Во всем любовь моя возможет помощь дать.
На все любовь моя готова устремиться,
Готова все беды и смерть в ничто вменить;
Лишь только бы твоей отрадой веселиться
И чтоб любовь твою взаимно заслужить.

Тамира

Ах, тщетны все слова! напрасны обещанья!
Гонимой от своих поможет ли чужой?
Одне остались мне со плачем воздыханья:
Не множь их, и себя от глаз моих укрой.
Меня судьба зовет и должность понуждает
Оставить здешний град и в дальний край спешить,
Престань того желать, что небо запрещает,
Так промысл положил, и нельзя пременить.

Селим

Поспешно твоему отшествию иль косно,
Через море должно быть или пространством поль;
То, ежели тебе мое присутствие сносно,
Дражайшая, себе последовать позволь.
И удостой меня взирать слезящим оком
На знаки нежные возлюбленных следов.
Но ежели не дано тебе предела роком,
Где должно странствовать, оставя дом отцов,
Последуй мне в луга багдатские прекрасны,
Где в сретенье тебе Евфрат прольет себя,
Где вешние всегда господствуют дни ясны,
Приятность воздуха, достойная тебя.
Царицу воспринять великую стекаясь,
Богинею почтит чудящийся народ,
И красоте твоей родитель удивляясь
Превыше всех торжеств поставит твой приход.

Тамира

Хотя таких, Селим, даров не презираю,
Но выше в них твоим достоинством цена.
Ах, что прельщаюсь тем, чья быть не уповаю?
Как сердце я отдам, в котором невольна?
Велика держит внутри мой робкой голос сила;
Но большая тоя от сердца гонит вон!
Когда против твоей я воли возлюбила,
О небо! то скончай ударом громным стон!
Уж долее таить мой дух не позволяет,
И толь великих бурь не может грудь вместить.
Селим, любовь моя равно к тебе пылает,
Которую судьба стремится погасить.
Отечская власть желаниям противна
Иному отдает тобою полную грудь,
И с коим жизнь моя была бы неразрывна,
Едва я на того дерзаю и взглянуть.

Селим

О радостные вдруг минуты и плачевны!
Я вознесен до звезд и в бездну погружен!
Начто соединил сердца, о промысл гневный,
Когда союз их ввек тобой не утвержден?
Но ныне о твоей любви я уверен,
Дражайшая, против судьбы вооружусь.
Мой дух так напряжен, коль пламень мой безмерен;
Умру, или с тобой в триумфе возвращусь.

Тамира

Я сердце уж тебе, любезный, поручаю
И верность данную пребуду век храня.
К неистовому я не преклонюсь Мамаю.
Пусть весь свет победит, не победит меня.

Явление третье

Селим

(один)

Мамай! Тиран во плен толику добродетель,
Чудовище влечет толику красоту?
О солнце, ты сего можешь быть свидетель
И света не лишишь такую срамоту!
Я коль великим то и славным почитаю,
Чтоб век Тамириной любовью гореть;
Толь напротив того позорно быть вменяю
Такого варвара соперником иметь.

Явление четвертое

Мумет, Селим, Надир и Заисан.

Селим

Спокойством пользуясь я ныне безопасным
Тебя пришел почтить и видеть, государь,
И договором мир возобновить согласным,
К чему мне дал всю власть меня родивший царь.
По воле я его Таврийскую вершину
Прешел и воинством наполнил корабли,
От страху свободил **Эвксинскую пучину**,
Что ваши подданны разбоем навели.
Отмстив купечества грабеж, я мир дал граду,
Имея гром в руке, ударить не хотел:
За дом, за Крым, за жизнь желанну дай награду,
Которой я свою победу предпочел.

Мумет

Причину твой отец имел вооружиться,
Какую всегда к войне легко сыскать.
Котора может власть на свете похвалиться,
Чтоб так всех подданных могла она держать,
Как мирны требуют от оных договоры,
И многи б тысящи имели мысль одну?
И кто угодит тем, что будто б рушить ссоры,
Наносят для хвалы неправедну войну?
Хоть наша жизнь кратка и оныя прибавить
Чрез храбрые дела героям долг велит,
Но меру праведну желаньям поставить,
В том больше похвала чрез целой свет гремит.
Тебе довольно быть, Селим, я уповаю,
Когда повинным казнь достойну наложу.

Селим

Спокойство утвердив, я больше не желаю,
Но токмо дружество взаимно предложу.
На светлое лице взирая, восхищаюсь,
Что в оном начертан любезный мой Нарсим,
И та, которою пылаю и терзаюсь,
Пленяет красота воззрением твоим.
Союза нашего залог и совершенство
И вечная печать быть может дочь твоя.
Тамира даст одна и сохранит блаженство,
Которого вовек лишуся без нея.
Как если данный мир земли твоей полезен,

За тое надлежит воздать моей любви.
И буде, государь, твой сын тебе любезен,
То друга ты его себе усынови.

Мумет

Что сын мой друг тебе, то мне весьма приятно.
Он, так же как и я, за счастье почтет,
Что в город сей пришед с победою обратно,
Тебя союзником, а не врагом найдет.
При нем нам небеса помогут всё устроить,
Его к отраде я по вся минуты жду.

Селим

Надеясь чрез него я сердце успокоить
На Понтски берега с веселием пойду,
И прежде дружного потщусь сюда приходу
Всё воинство свое на корабли вместить.

Мумет, Надир и Заисан.

Мумет

Взирая на любовь, особу и породу,
Не в силе мыслей я своих соединить.
Приметив ненависть Нарсимову к Мамаю,
Союз к супружеству с Тамирою таил.
Но ныне большие препятствия сретаю:
Нарсим Селиму друг, а ей Мамай посыл.
Не должно царское царю быть слово ложно;
Но как я кровь свою тиранствовать могу?

Заисан

Того уж, государь, переменить не можно:
Кто другом был, тому открыто всё врагу.
Когда кто сильному, что должен, отрицает,
Тот будет принужден, что и не должен, дать.
И долг к отечеству царям повелевает
Блаженство оногo родству предпочитать.
Помысли, государь, коль будет дерзновенно
Вооруженного Мамаю раздражить;
И коль полезно вам, похвально, несравненно
Владение таким союзом укрепить.

Надир

Что меру превзошло, стоит над стремниною,
Чтоб гордости пример паденьем звучным дать.
Безумна власть падет своею тяготою;

Что срамно приобрести, срамнее потерять.
Видал я быстрые уже иссохши реки,
Засыпанны песком, что рвали с берегов.
Так царства, что цвели во славе многи веки,
Упали тягостью поверженных врагов.
Нарочно бог во тьме грядущее скрывает,
Чтоб смертных гордые советы разорить.
Мамай поля свои людьми опустошает,
Дабы их трупами Российский край покрыть.
Насильна власть стоять не может долговечно.
Кто гонит одного, тот всякому грозит.
Россию варварство его бесчеловечно
Из многих областей в одну совокупит.
На плач, на шум, на дым со всех сторон стекутся;
Рассыпанных враждой сберет последний страх.
Какую силою в единстве облекутся,
[Владимир нам пример и храбрый Мономах.](#)
Сей вредные своей земли отмстив набеги,
Лавровым верьх венцем и царским увенчал,
А оный, здешние покрыв полками бреги,
Супругу в сих стенах и веру восприял.

Заисан

Мамаю следует везде с победой слава;
Он с нею к нам спешит, Россией овладев.
Великостию сил военны мерят права
Великие цари и областию гнев.

Надир

Великодушный лев жар тотчас утоляет,
Коль скоро видит он, что враг его лежит;
Но хищной волк пота противника терзает,
Пока последняя в нем кровь еще кипит.

Явление шестое

Вестник и прежние.

Вестник

С придонских, государь, полей я от Нарсима
К тебе приятную несु поспешно весть,
Что к радости твоей и к утешенью Крыма
Велику заслужил он храбростию честь.
Побитых кровию [Непрядвы](#) ток стугнулся,
И грабят росской стан херсонские полки,
И, ранами покрыт, от бою уклонился

Димитрий, бегая Нарсимовой руки.
Одно несчастье Мамаю сокрушает,
Что сильный Челубей пронзен в крови лежит,
Лежит и поля часть велику покрывает!
Но нам последую победа уж гремит.
Оставшим россам путь пресечен к бегу Доном,
Или в бою падут, или дадутся в плен.
Мамаю малым толь людей своих уроном
Пространный север весь под область покорен.

Мумет

Мамаю небеса Тамиру поручают,
И слово данное сама судьба крепит.
Хоть нравы разные с Нарсимом разделяют,
Но обще счастье их в любовь соединит.
Ты, верный Заисан, и ты, мой брат любезный,
Подумав меж собой, придите в мой чертог
Союзы утвердить и дать совет полезный,
Дабы доволен быть Селим отказом мог.

Действие третье

Явление первое

Мамай

(один)

Еще великий страх меня не оставляет!
Кще я слышу крик врагов, гонящих вслед!
И бледных лиц меня мечтание смущает!
Здесь с паром кровь из мурз рассеченных течет.
Здесь тень Нарсимова, последую за мною,
Уже в глазах моих отмщением грозит!
Крепись, мой дух, крепись, беду скрывай бедою
И в горести кажи на мне геройской вид.
От россов побежден, хотя я ужасаюсь
В отечестве свой стыд и слабость показать,
Но с войском погубив Нарсима, утешаюсь,
Что не остался, кто б здесь мог о том сказать,
Мамай, ты будь себе и в пагубе подобен,
Мумета ложною победою уверь.
На деле испытай, коль к умыслам способен,
И ков составленной напастью ныне мерь.
Тамиру дав в жену, мне даст Мумет и войско.
Я орды по степям рассыпанны сбери;
Искусство покажу коварством сим геройско,
Внезапно набежав, Москву в ногах попру.

На плач там пременю я торжество спокойно
И покажу врагам, каков мой гнев и власть.
Вконец отчаяться Мамаю недостойно;
Безумно, всех путей не испытав, пропасть.

Явление второе

Мамай, Мумет, Надир и Заисан.

Мумет

Какое счастье мне небо посылает,
Великий государь, пришествием твоим!
Нечаянной твой взор тем больше восхищает,
Чем больше нужен он смятениям моим.
Я радуюсь твоей победе в свете звучной
И скорому дивлюсь приезду твоему.

Мамай

Не может торжества Мамай благополучной
Себе к веселию оставить одному;
Но хочет оно иметь и ту причастну,
Которую к сему блаженству ты родил.
Имея всю страну Российскую подвластну,
Я радость сообщить из уст своих спешил.
Сугубым торжеством украсить ускорю
И славою мой въезд в великую орду.
Но славнее я быть Тамирою желаю,
Как тем что Дмитрия в оковах приведу.
Уже всё воинство со плеском ожидает
С прекрасною меня царицею к себе.

Мумет

Победа мужество геройское венчает;
Любовь и дружество Тамиру даст тебе.
Нарсим, помощник твой, в сем граде вождельный
Украсит брачный день, со славой возвратясь
И храбрым воинством херсонским окруженный...

Мамай

Он ныне на полях российских веселясь
Сокровища себе с побитых собирает,
С которыми тогда обратно придет в дом,
Как данным от меня он краем завладеет,
Дугами тучными меж Доном и Днепром.

Заисан

О счастливый успех! о коль места прекрасны!

(К Надиру)

Не мне ли в честь конец прияла наша прят?

Надир

Но сердца моего с сим чувства несогласны!

Мумет

Достоин дар таков великого царя!

Мамай

Любезный государь! Нарсима оставляя,
Я слышал в радостных из уст его слезах,
Что в сердце ненависть искоренилась злая
И общим счастьем вражды развеян прах.
«Прости, — сказал он мне, — я ныне признаваюсь,
Что злобой я тебя не рассудя гневил.
Я храбрости твоей и духу удивляюсь,
Чем ты Димитрия и гнев свой победил.
Геройства твоего я бывши сам свидетель
Завистников твоих отвергнул клеветы».

Заисан

Превыше зависти восходит добродетель
И презирает ту спокойна с высоты!

Мамай

Услышав таково Нарсимова приятство,
Немедля брачной я союз ему открыл.
Он в радости сказал: «О коль любезно братство,
В котором промысл мне с героем быть судил!
Благополучен Крым, и счастлива Тамира,
Тобой возвышенны, прославленны тобой!
Но ты, подобяся дыханию зефира,
Поспешно в Крым пришед, Мумета успокой.
Скажи ему, коль мне с тобою быть полезно;
И будущей твоей царице объяви,
Что мне толикое супружество любезно;
И о моей к тебе уверь ее любви.
Величество свое и неисчетны орды
Тамире покажи, со славой возвратясь;
И торжествуй, ступив врагам на выи горды,
Что будут ниц лежать, пред нею преклонись».

Явление третье

Тамира, Клеона и прежние.

Тамира

Ужель возлюбленный Нарсим к нам возвратился?
Дражайший мой отец!

Мумет

Ты видишь здесь его,
Пред коим север весь пространный преклонился;
Мамай почитай за сына моего.

Тамира

О строги небеса!

Мамай

Ты видишь братня друга,
Которой хочет век к тебе одной гореть.

Мумет

Имеешь жениха; а скоро и супруга
В нем будешь отческим рачением иметь.

(К Мамаю)

Любовь и я даю тебе рожденну мною,
С тобою царствовать и искренне любить.

Мамай

Вторым я нынь отцем рожден на свет тобою,
Когда ты предприял меня усыновить.

Мумет

(к Тамире)

Нарсима и меня люби ты в нем едином
И царствуй счастливо в обширной толь стране.
Блистая на земли пресветлым царским чином,
Ему послушна будь, как нынь послушна мне.

Тамира

Ты волен, государь! законы и природа
Велят тебе иметь в Тамире полну власть.
Как спорить я могу? коль не дана свобода

По воле избирать пристойну в жизни часть.
Но если смею я...

Мумет

Младые не радеют
О том, чрез что бы им ко счастью дойти;
Затем родители рожденными владеют,
Дабы поставить их на истинном пути.
Любовью будешь звать, что нынъ зовешь грозою,
И станешь строгости моей благодарить.
Ты следуй в мой чертог, любезный брат, за мною,
Дабы мне скорой брак с тобой расположить.

Явление четвертое

Тамира, Мамай, Заисан и Клеона.

Мамай

Несносной горестью смятенный примечаю,
Что всуе таковым я пламенем горю!
Тамира, ненависть имеешь ты к Мамаю?
И смеешь согрубить великому царю?
Однако принужду свои к спокойству мысли
И младости твою противность припишу.
Царевна, истинным своим блаженством числи,
Что сердце я свое тебе в дар приношу.
Цари с концев земных сродства со мной желают;
И каждая красоту приносит мне страна.
Коль многие по мне царевны воздыхают!
Ты можешь получить желанья всех одна.
Ты можешь получить великого героя,
Которой мужеством вселенну удивил,
Превысил славою Чингиса и Хозроя
И прадеда в себе Батяя воскресил.
Представь мой славной род и кто Мамаю деда,
От коих он тебе к супружеству рожден.
Россия не мои, но уж твои победы,
Когда я красотой твоей сам побежден.
Толиким государь народам покоренным,
Не обинуюсь быть просителем твоим.
Я счастье свое почел бы несравненным,
Когда бы оно считала ты своим.

Тамира

Когда ты многие привел под власть народы,
Ты славы, государь, толикой не теряй,

И слабый женский пол лишив драгой свободы,
Великих дел своих чрез то не помрачай.

Мамай

Тебя свободы я могу лишить, Тамира?
Котору возвести с собой на трон спешу,
Поставить госпожой мне подданного мира,
И будучи царем, быть пленником ищущу?

Тамира

Среди довольствий всех, среди великой славы,
Сидя на царского престола высоте,
Что пользы, если в нас различны будут нравы?
Я всё равно почту последней нищете!
Какая польза в том, что, рок свой проклиная,
Не браком буду брак, но пленом называть
И, на оковы толь несносные взирая,
Тебе последовать, а о ином вздыхать!

Явление пятое

Мамай, Клеона, Заисан.

Мамай

(Клеоне)

Что слышу я еще! любовница иному
Тамира может быть, и мне притом жена?
И кто, Мамаева не устроясь грому,
Дерзнул взглянуть на ту, что мне обручена?
Тебе все склонности и нрав ее известен,
Ты можешь ныне честь и милость заслужить.
Скажи, скажи, кто есть Тамире толь прелестен,
Кого бы мне она хотела предпочтитель?
Когда открытием смущение прогонишь,
Дабы соперника узнать и отвратить,
Когда Тамирин дух ко мне в любовь преклонишь,
Какую мзду за то ты можешь получить!
Ты знаешь власть мою и отческую волю:
Старайся обязать великих двух царей.
Я царску честь тебе давать своим позволю
И матери равно тебя почту своей.

Клеона

Я знаю, государь, коль власть твоя велика
И коль должна царю послушна быть раба!
Но помощи подать не может мзда толика,
Когда имеет брань с любовью судьба.
Не может воинство с концев всея вселенны
Противу твоего стать гневного лица;
Но силой покорять пристойно крепки стены,
А нежны ласкою девически сердца.
Чем больше ты к любви Тамиру принуждаешь,
Тем больше будешь ей противен и постыл.

Заисан

Великому царю толь дерзко отвечаешь?

Мамай

О как напрасно я к ней щедр и ласков был!
Оковы, муки, глад и вечная темница,
И смерть сама легка таку змею карать.

Клеона

Тамире было б то уже живой гробница,
Селиму сердце дав, Мамаю присягать.

Явление шестое

Мамай и Заисан.

Мамай

Селим! и кто?

Заисан

Селим! О счастлив недостойно!
О общая печаль! о страсти слепота!
Селим, что не хотя в Багдате жить спокойно,
Разбоем утеснял пред градом сим места.
Но страхом сил твоих смятен, склонился к миру,
И в город сей вошел, Мумету предлагал,
Дабы он дал ему в супружество Тамиру;
Однако царь на то ответ несклонной дал.
К Селимовой любви царевна согласиться...

Мамай

И предпочесть меня разбойнику могла?
О горечь! о удар! о как мой дух стремится!
Не может больше быть на свете мне хула,
Как чтоб соперник мне царевич был Багдатской!
Хотя дерзнул сего он суетно искать,
Не может, возвратясь, сказать в стране Евфратской,
Что он того же мог, чего и я, желать.
Теряет цену всю, что ни было велико,
Как если тое он надеется иметь;
Ему хвала, а мне презрение колико,
Что тем же пламенем со мною мог гореть!
Но ах, что мышлю я и что я здесь коснею?
Уже похитил он, что должно быть мое!
Любезный Заисан, спеши отмстить злодею;
Пойдем...

Заисан

Смягчи теперь волнение свое.
Ты будешь, государь, иметь свою невесту,
И примет за сие достойну казнь Селим,
Как воины твои к сему приспеют месту;
Он погубит себя желанием своим.
Муметова себе ответа ожидая,
Умедлит здесь, пока ты в силе будешь сам
Его пленить, от нас способства не желая,
Что ради мира нынч чинить не должно нам.

Мамай

Поехавшие вслед со мною разлучились
И скорости моей сравниться не могли.
Надеюсь, в разные дороги устремились
И ездят по степям рассыпанны в дали.
И если ускорят, не могут, утомленны,
Покоя не имев, Селиму отомстить.
Но я, продерзостью такую огорченный,
Могу ль минуту дать Селиму живу быть?
Сия рука моя, умывшись кровью мерзкой,
Воздаст весь долг моей озлобленной любви.
Погибнет пусть злодей и сопостат продерзкой.
А ты любовь свою и ревность мне яви,
Скажи, где он?

Заисан

Храни особу ты высокоу
И рук не простирай...

Мамай

Доколе мне страдать?
Спеши со мной отмстить обиду толь жестоку,
Чтоб мерзку кровь его Тамире показать!

Явление седьмое

Тамира и Клеона.

Клеона

Какою лютостью к Селиму он пылает!
Какой приходит к нам от слов тиранских слух!
Какой, драгая, жар в очах твоих блистает!
О как колеблется озлобленный твой дух!
Мне сердце движется и говорит всечасно,
Что скоро лютая постигнет нас напасть!

Тамира

Теперь мне более ничто уж не ужасно,
Ни варварска гроза, ни отческа власть!

Клеона

Царевна, на кого ты можешь положиться?
Кто может свободить от сильных рук?

Тамира

Любовь!
Поди и посмотри, куда Мамай стремится?
(Вслед Клеоне)
На все напасти жизнь несчастную готовь.

Явление восьмое

Тамира

(одна)

Беги отсель, беги, Тамира, и спасайся,
Пока тиранских ты не чувствуешь оков,

Беги насильных рук, на град не озирайся:
Селим принять тебя на корабли готов.
Он с берегу очей минуты не спускает,
И плователи все направились в путь;
И небо искренней любви поспешает:
Уже нам и борей способной начал дуть.
В одном Селиме я надежду всю имею,
Когда слезами я отца не умягчу.
Но в страхе трепещу, смущаюсь, цепенею!
Ах! что, продерзкая, ах, что начать хочу?
Уйду, отечество, родителя оставив,
И брата, и сей дом, и стыд свой позабыв,
И царской род во всей вселенной обесславив,
И кровного родства законы преступив?
Но каждое место мне отечество с Селимом;
Селим мне будет брат, отец и всё родство.
Оставить всех и быть в житьи неразделимом
С супругами велит закон и естество.
Супружеством назвать неистовство дерзаешь
И налагать страстям закона имена?
Несчастливая, кому себя ты поручаешь?
Или тебе в любви неверность не страшна?
Представь себе, представь прельщенную Медею,
Оставльшую отца и честь на сем берегу!
Я место то ж и страсть подобную имею:
Или я лучшия ждать верности могу?
Несноснее беды мне может быть защита,
Как если мне Селим другую предпочтит.
И на чужой стране кем буду я покрыта?
Отцу и брату гнев и дальность возбранит.
От року бегая, на явной рок дерзаю.
Мне пагубой земля, вода грозит бедой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищные ревут передо мной.
Тамира, в бедствие сугубо не вдавайся,
Блюдись сугубой ты неверности, блюдишь.
Однако укрепись, мой дух, и не смущайся,
На слово, данное Селимом, положишься.
Не тот в нем блещет дух, не та его порода,
С любовию кипит геройская в нем кровь.
И коя устрасит при нем меня погода?
Не движется в волнах нелестная любовь.
Спеши, спеши от мест, Мамаем зараженных,
Спеши за Понт, за Тигр, за Нил, за Океан.
И как уж будешь ты в странах толь удаленных,
И там покажется, что близко сей тиран!
О промысл! о судьба! слезами умягчитесь!
О небо! о земля! о ветры! о моря!
На жалость, на тоску, на вопль мой преклонитесь,
Покройте от руки свирепого царя.

А вы, места, где мы любовью пленились,
Затмитесь, чтоб отцу на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишились!
Прости, дражайшее отечество, прости!

Действие четвертое

Явление первое

Надир и Заисан.

Заисан

Какие, государь, услышишь ныне вести!
О тяжкая беда! о вечна срамота!
Тамира, стыд забыв, своей не помня чести,
Бежать намерилась отсель в чужи места!
И, безрассудною любовью палима,
К багдатским шла одна, закрыв себя, судам,
Надежду положив на льстивого Селима,
Что был недавно враг отеческим стенам!

Надир

О жалость горестна! о лютое мученье!
О строгость отческа, к чему ты привела?

Заисан

По счастью, я открыл такое дерзновенье:
Тамира во вратах уже градских была!
Я общей за стены пошел смотреть отрады,
Ужель Селим полки поставил на суда;
И видя, что на них всё войско и снаряды,
Я путь свой обратил с веселием сюда.
Увидел, что спешит там женский пол ко берегу,
Смотря во все страны сквозь тонкой свой покров.
Я, робкому дивясь и скорому толь бегу,
Навстречу прямо шел, проведать, кто таков.
Как странник на пути от зверя убегая,
Спешит чрез терние, чрез камни и бугры,
Но вдруг увидев, что тут стремнина крутая
И должно в мрачну хлябь стремглав упасть с горы,
Оцепенев стоит, противится размаху,
Трепещут члены все, мутится свет очей;
Меня увидев вдруг, Тамира так от страху
Смутилась, обмерла в продерзости своей.

Укрыться от меня во все страны металась;
Везде был заперт путь боязнью и стыдом.
Когда толикими волнами колебалась,
Я изумленную в отеческой ввел дом.
Что ныне мне начать? как я царю открою?
Дай в помощь, государь, премудрой твой совет.

Надир

Внезапно не срази печалию такую:
Представь себе, как сим подвигнется Мумет!
Я лучше думаю сию скрыть вовсе тайну,
Дабы в спокойствии отцов оставить дух.

Заисан

Но я могу попасть в беду чрез тое крайну,
Когда кроме меня к царю достигнет слух.
То видели раби и воины со мною
И могут всё ему подробно донести.

Надир

Хотя смягчи удар приятностью какою;
Между веселых слов печаль сию вмести.

Явление второе

Надир

(один)

Несытая алчба имения и власти,
К какой ты крайности род смертных привела?
Которой ты в сердцах не возбудила страсти?
И коего на нас не устремила зла?
С тобою возросли и зависть и коварство;
Твое исчадие кровавая война!
Которое от ней не стонет государство?
Которая от ней не потряслась страна?
Где были созданы всходящи к небу храмы
И стены, труд веков и многих тысяч пот,
Там видны лишь одни развалины и ямы,
При коих тучную имеет паству скот.
О коль мучительна родителям разлука,
Когда дают детей, чтобы пролить их кровь!
О коль разительна и нестерпима мука,
Когда военный шум смущает двух любовь!
Лишь только зазвучит ужасна брань трубою,

Мянутся города, и села, и леса,
Любовнического исполненные вою
И жалоб на удар жестокого часа.
Что может быть сего несноснее во свете,
Когда двоих любовь и младость сопрягла,
Однако в самом дней младых прекрасном цвете
Густая жадности мрачит их пламень мгла,
Когда родители обманчивой корысти
На жертву отдают и совесть и детей.
О небо, преклонись, вселенную очисти
От пагубы такой, от скверной язвы сей!
Коль дало красоту и младость человеку
И нежны искры в нем любовные зажгло,
Чтоб в радости прожить дражайшую часть веку,
То долго ль на земли сие попустишь зло?
На то ль Тамире ты приятность влило в очи,
На то ли нежную в нее вложило страсть,
Чтобы, подверженна тиранской сильно мочи,
Оплакивала жизнь и горестную часть.

Явление третье

Надир и Клеона.

Клеона

Тамира! Ах, печаль! Тамира дорогая
Поиманна, в слезах отчаявшись сидит!
Селима в жизнь свою увидеть уж не чая,
Лишь мыслями на него в отсутствии глядит
И имя сладкое едва с плачевным стоном
Дерзает в горести последней помянуть.
Озлобленна судьбы жестоким толь законом,
Руками томными терзает нежну грудь.
Бледнеет цвет лица, и все трепещут члены,
Холодной страх, тоска, отчаянье и стыд
Являются в ее очах изображенны.

Надир

Что сделал бы Селим, таков представив вид!

Клеона

Что сделал бы, когда увидел, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечет,
Которая, стремясь на небеса очами,

Потоки слезные, рыдая горько, льет?
Ах, сжался, государь, не дай беде сей сбыться,
Всю мысль свою к ее спасению впери.

Надир

Не можно от сего царевне свободиться:
Воюют против ней великие цари.

Клеона

Так пойдет агница за волком вслед Тамира,
На кровь, на смерть людей, на трупы их смотреть,
И радости лишась в супружестве и мира,
Мученье внутрь себя тяжчайшее иметь?

Надир

Не знаю, что мое внутри сердце предвещает
И смутному уму всечасно говорит:
Мамай царя и всех злой хитростью прельщает,
И около нас сеть коварств его стоит.
Зачем один прибег? зачем спешит он браком
И что за ним не шлет известия Нарснм?
Сии окрестности считаю я признаком
Для нас, и для него, и для Тамиры злым.

Клеона

Для толь поспешного Мамаева прихода
Слух в городе прошел, что он совсем побит!

Надир

Всегда есть божий глас — глас целого народа;
Устами оногo всевышний говорит.
Но пусть Мамай над всей вселенной торжествует;
Однако счастлив быть не может брак такой,
Когда сама любовь против него враждует.
Совместно ль варварству с толь нежной красотой?
Возможно ль в сей тоске Тамире укрепиться
И сердца своего движенья утолить?

Клеона

На страсть ее смотря, и небо возгорится
И не уеддит зла толикого отметить.

Надир

Горами потрясет, и воспалит пожары,
Или опустошит поветрием луга,
Или от глубины возвысив волны яры,
Потопом скверные очистит берега.

Клеона

Народную молву приумножают знаки;
Везде уж говорят, что близ дверей беда!
Мне кажутся во сне ужасные призраки,
И вранов, как на труп, слетаются стада.

Надир

Хоть радостен Мумет, но войска не имеет;
Что будет, как Селим к стенам приступит вновь?
Погибнем, ежели, не рассудя, посмеет
Озlobить меч в руке держащую любовь.
Мамаю гордый дух чем больше возвышает,
Тем может рок его скорее поразить.
На пыщны гор верьхи гром чаще ударяет,
Беги высот, когда безбедно хочешь жить.
Цветут спокойные, не зная бурь, долины,
Где редко молнии возможно досягать.
Никто на свете так не обязал судьбины,
Кто б завтрешне себе мог счастье обещать.
На лживость оною никто не полагайся:
Что утром возросло, то вечером падет.
Никто в несчастьи спасенья не отчайся:
Что вечер низложил, то утро вознесет.
Неутолимый рок всё колом обращает.
С Мамаем рушиться внезапно может Крым.
Когда кто с высоты великой упадает,
И тех с собой влечет, что с низу шли за ним.
Но сим смущаются лишь только подлы души,
Которы на морской волнами шумный путь
Смотря, колеблются с недвижимыя суши
И чают на берегу высоком потонуть.
Едина видит то с презорством добродетель;
Среди громов и бурь недвижимо стоит;
Сама себе хвала, сама себе свидетель;
Хоть мир обрушится, бесстрашну поразит.

Явление четвертое

Селим и прежние.

Селим

Любовникам долга единая минута!
Возможно ль, государь, Селиму ныне знать,
Еще ль Тамира здесь?

Клеона

О скорбь!

Надир

О горесть люта!
Ах, что дерзнули вы, несчастные, начать!

Селим

Мужайся, скорбный дух, и стой против удара,
Который на меня свирепый рок занес.

Надир

Ах, если б гневного отцова силу жара
Тамира утолить могла потоком слез!
Поимана в пути для бегства предприятном,
Терзается...

Селим

Какой вступает в жилы хлад!
Когда не помогло ты в деле мне начатом,
О небо! не косни, живого свергни в ад!
Мамай любовь мою поругаться,
И пламень мой презреть намерился Мумет?
Тамира не моя? мне с нею не видаться?
И больше никакой уже надежды нет?
Я вижу, что Мумет меня еще не знает,
Еще в осаде он моих не сведал сил.
Мамаю дочь отдав, меня отвергнуть чает?
Надежду на песке он зыбком положил!
Забыл он, что моим люблением спасенный
Стоит сей град? и в нем того лишит меня,
Чем я надеялся, в сей жизни одаренный,
С ним в дружестве прожить, свой род соединя?
Забыл любовь мою и дружество с Нарсимом?
Забыл, что жизнь его была в моих руках?

Я свижусь, покажу, каков союз с Селимом
И что вражда его возможен в сих стенах!
Я снова на берегу противном мне поставлю
И обращу на град евфратские полки;
От лютой такой любезную избавлю
И от Мамаевой мучительской руки.
Ударит женский стон здесь вместо песней брачных
И вместо праздничных огней пожар сих стен.
Мумет увидит смерть, бегущу в вихрях мрачных,
И кровию чертог Мамаев обогрен.

Надир

Я сам бы, уклонясь отеческого града,
В пустой степи и жизнь и скорбь свою закрыл;
Не видя срамоты и мерзостного взгляда,
Я счастлив бы весьма в несчастьи том был.
Однако ж, государь, вспомняв Нарсима
И зная, что сие отечество его,
Меча не возноси к опроверженью Крыма
И данного держись ты слова своего.

Селим

Не я, но сам Мумет стен будет разоритель:
Презрением своим на то мне право дал.
Нарсима в оных нет, но лютой в них мучитель;
Он купно бы со мной против него восстал.
Сугуба страсть меня на то вооружает,
То жалость горестна, то искренна любовь;
Одна во мне стремится, другая дух терзает,
Одна сдает грудь, друга волнует кровь;
Одна велит от зла невинную избавить,
Другая век себе любезну получить;
Одна всеобщий долг естественный исправить,
Другая данную присягу сохранить.
Или бесчувствен я таков кажусь Мумету,
Чтобы недвижно мог стоять, когда Мамай,
Похитив силою, что мне дороже свету,
Ликуя поведет из глаз в далекий край?
Возможно ли стерпеть его советы мерзки!
О сердце, не мягчись, но разруши вконец,
Мумета низложи. Куда, Селим продерзкий?
Подумай, что Мумет любезный отец!
И свято место мне, Тамира где родилась;
Пусть в целости стоит, и пусть погибнет тот,
От коего моя надежда разрушилась.
Мамаю отниму Тамиру и живот.

Надир

Приятель, укроти в себе волненья гневны
И жизни не давай в опасность такову.

Клеона

В сугубой горести не погрузи царевны,
От пагубы храни любезную главу.

Надир

Когда на сей ты град восстать не должен войском,
То должен ли один? что хочешь?

Селим

Умереть!

Или торжествовать и в мужестве геройском
Награду верности прекрасную иметь.
И правды и любви непобедима сила
Против насилия со мной на брань пойдет.
Или моя рука, что крымску кровь щадила,
Свою, но прежде той Мамаеву прольет.
И если мужество победой не прославит,
Любовь и честь велит: довольно; я умру?
Пускай хоть тем меня от муки рок избавит,
В любовном жизнь моя погибнет пусть жару.
Я лучше с похвалой оставить ту желаю,
Как тяжек быть себе, и небу, и земли
И смерти ждать, в посмех отдав себя Мамаю,
До старости не знать отрады николи.
Владеет наших дней всевышний сам пределом;
Но славу каждому в свою он отдал власть.
Коль близко ходит рок при робком и при смелом,
То лучше мне избрать себе похвальну часть?
Какая польза тем, что в старости глубокой
И в тьме бесславия кончают долгой век!
Добротами всходить на верьх хвалы высокой
И славно умереть родился человек.
Превыше смертного я жребия поставлю
Участие свое и славой вознесусь,
Когда Тамиру я от лютости избавлю,
Вменяя ни во что; умру или спасусь!
Пускай отец ее свирепой постыдится,
Мою за дочь свою текущу видя кровь;
Узнает злость свою, но поздно научится,
Что может предпринять озлобленна любовь!

Надир

Какую принесешь ты в старости утеху
Родителям своим, когда услышат весть,
Что вместо в сей войне желанного успеху
Дерзнул, забыв об них, себя на рок привести!
Они во сретенье давно к тебе взирают,
И простирают мысль чрез горы и валы,
И в нетерпении минуты все считают,
Твоей насытиться желая похвалы.
Возобнови свои премудрые уставы,
Которым преж сего себя ты покорял;
И вспомни прежние свои на сей час нравы,
Которых мерностью ты старых удивлял.

Селим

Любви велика власть всю крепость низлагает
И мной господствует. Уж я не тот Селим...

Клеона

Какую небо казнь с Мамаем насылает!

Явление пятое

Мамай, Заисан и прежние.

Мамай

Совет имеете с соперником моим?

Селим

Или я с Крымом здесь подвластен стал Мамаю?
Или он мне иметь советы запретит?

Мамай

Теперь препятствия любви моей скончаю!

Селим

Теперь любовь моя насильствию отмстит!

Мамай

Весь север покорив, сего не одолею?
Забыв, дерзостный противится Селим,
Кто прадед мой и что я в области имею?

Селим

Кто родом хвалится, тот хвастает чужим.
Но где твои полки? и где желаешь? в море
Иль в поле окончать толику боем прю?

Мамай

Увидишь, дерзостный беглец, увидишь вскоре,
Какому ты дерзнул противу стать царю.
Поди и возвести, где обитают мертвы
Прапрадеды мои, каков их в свете внук.

(Вынимает саблю.)

Селим

(вынимая саблю)

Любовь Тамирина такой достойна жертвы,
Которой от моих она желает рук.

Сражаются.

Заисан

(разнимая)

Великий государь!

Клеона

Ах!

Надир

(разнимая)

Ах, Селим любезный!
В какую пагубу несет злой рок тебя!

Заисан

(К Мамаю)

Смягчи свой царской гнев!

Клеона

(к Селиму)

Склонись на токи слезны!
Помилуй, государь, Тамиру и себя!

Действие пятое

Явление первое

Мумет, Надир, Тамира, Клеона, воины.

Мумет

В какой я крайней стыд тобою погрузился!
До коего достиг при старости я зла!
На то ль тебя родил, на то ли я крушился,
Тамира, чтобы ты преслушна мне была?
За пришлецем бежать из отческого дому,
И кровности его дерзнула предпочесть!
Какая казнь равна такому делу злomu,
Какая быть сему довольна может месть?

Тамира

Когда родилась я в несчастную минуту,
Чтоб скорбь тебе принесть, то сжался, государь!
Скончай свой гнев, скончай мою судьбину люту,
Мечем своим в мою повинну грудь ударь!
Мне гроб приятнее Мамаева чертога;
Употреби свою родительскую власть!

Мумет

Не я тебе, не я, сама себе ты строга;
Сама дерзнула ты в такую мерзость впасть.
Ты в сердце лютую сама змею питаешь,
Котора в кровь твою пускает смертный яд!
Мамаю дерзостью бесстыдно озлобляешь,
Которого один тебя достоин взгляд,
Которой к высоте толика державы
Тебя и весь мой дом склонился возвести,
И в общество принять своей гремющей славы,
И сердце в дар тебе геройско принести.
К последнему склонись отеческому слову,
Старайся склонностью продерзость наградить.
Но если я тебя увижу неготову
С великим сим царем в супружество вступить,
То сделаю пример и покажу вселенной,
Что я хотя отец, однако же и царь.
Блудись руки моей, упрямством раздраженной,
И будь готова стать с Мамаем пред олтарь.

(К Надиру)

Любезный брат, потщись прельщенную наставить
На истинну стезю, пока все учрежду.

(К Клеоне)

Тебя, преступница, что может нынь избавить
От казни, что тебе за злобу наведу?

(К воинам)

Возьмите скверную и ввергните в темницу.

Клеона

Помилуй, государь!

Тамира

Невинной не казни!

Надир

Ты щедрю обрати, о небо, к нам зеницу!

Тамира

Отеческу любовь во гневе вспомяни.

Явление второе

Тамира и Надир.

Надир

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна
И строгой перестань противиться судьбе;
Забудь, что лучшего ты счастья достойна,
Будь тем довольна, что она дает тебе.
Когда родитель свой любовен и рассуден,
Тогда взаимно ты с почтением люби;
Когда же он свиреп и к умягченью труден,
То, помня крови долг, сноси и не скорби!
Поверь мне, что Мамай хотя теперь возвышен
И гордости своей не знает где предел,
Но скоро упадет, и звук лишь будет слышен,
С какой он высоты, повержен, вниз летел.
Чудовищу сему хоть небо попускает
Еще до времени род смертных разорять,
Но ныне чрез твою невинность восплает
И ускорит твою и всех беду скончать.

Явление третье

Тамира, Надир и вестник.

Вестник

Печальны, государь, в сей час услышишь вести!

Тамира

Не дай, о боже, мне отчаяться вконец!

Надир

И не нашли на нас превыше силы мести,
Но будь оставленным и в ярости отец!

Вестник

Во гневе из палат Мамай неуголимом
Лишь только вышел вон и обращал свой зрак,
С озлобленным тотчас увиделся Селимом,
И тут к сражению друг другу дали знак.
Взлетели на коней и, оных поощряя,
Скакали на поля одни из наших стен.
Я ехал им вослед, где роща есть густая,
Среди которой луг широкой заключен.
Тут первой их удар...

Тамира

О, как мой дух стеснился!

Вестник

Сверкнули острые и дали звук мечи;
Как туча мрачная Мамай ярьсь смутился,
От глаз был блеск, как вал морской горит в ночи.
Надежда на лице Селимовом блистала,
И в мужестве была приятна красота;
Везде рука его Мамайя утесняла,
Мамай искал себе спасенья от щита.
Едва от скорых он ударов укрывался
И действовать мечем не успевал своим;
Уже и отступал и к бегу порывался;
Но руку сильную занес в размах Селим;
Ударил по щиту, звук грянул меж горами;
Распался разом щит и конска голова.
Мамай повержен был внезапно под ногами,
И ближни потряслись падением древа.

Селим тут мог попруть копытами Мамаю;
Однако сшед с коня, к восставшему спешил.

Надир

Ах, дерзость!

Тамира

Ах, беда!

Вестник

На храбрость уповая, К погибели своей великодушен был.
Как чаял, что врага имел уж он во власти;
Набегли невзначай Мамаевы мурзы.
Он им вскричал: «Теперь спасите от напасти!»
Ударились к нему...

Тамира

О горькие часы!
О щедры небеса, и мой живот скончайте!

Вестник

Мне свет из глаз отняв, погнала прочь боязнь!
Я слышал только там: «Рубите и терзайте».
Один из мурз вскричал: «Прими достойну казнь».

Надир

Любезный мой Селим, уж ты лежишь бездушен,
И храбрость множеством твоя побеждена!
На то ль ты столько был родителю послушен,
Чтоб кости приняла твои чужа страна?

Тамира

В отчаяньи своем уже я леденею,
Терзаньем утомясь любовного огня!
Отмсти ты, государь, отмсти сему злодею,
За друга своего отмсти и за меня.

Надир

Пойду, не пощажу своей я холодной крови.
Отмщу или умру! довольно и того,
Что вашей принести сподоблюся любви
На жертву живота остатки моего.

Явление четвертое

Тамира

(одна)

Какую может дать Надир уж мне отраду?
Селима больше нет! Мамай вокруг ополчен!
Иль скверного себе его ждать буду взгляду?
И дам себя жива чудовищу во плен?
Одно спасенье мне не ожидать спасенья.
В покров природа смерть несчастливым дала.
Имея вольный путь, не избегу мученья?
Еще хочу я жить и не страшуся зла?
Уж сердце за стеной Селимово терзают,
Ах, лютой мой отец! убийцы по путям.
О как и руки им твои не помогают!
Поди и насладись невинной кровью сам.
Насыть слезами грудь дочерними, родитель!
И пагубой моей и роком веселись!
Но знай, что будешь слыть на свете ты мучитель:
Единым именем с Мамаем возгордись.
А ты, мой брат, когда стал ныне друг Мамаю,
То в жизни на тебя гнушаюсь я взглянуть;
Когда ж ты от него погиб, как верно чаю,
То в тот же за тобой спешить мне должно путь.
Итак, несчастная Тамира, умирая,
Родительских уже не будешь видеть слез.
Одна сомкнешь глаза, со света убегая,
Оставлена от всех, презренна от небес!
И огорченный дух сойдет в места подземны,
Себя от тяжких сих оков разреша,
И устремится вслед Селиму в хляби темны!
Повей ко мне, повей, любезная душа:
Соединись с моим последним здесь дыханьем
И будь, когда нам рок жить вкупе запретил,
Хотя по смерти мне соединен бежаньем
Со света, что с тобой одним мне мог быть мил.
Раскаешься уже, родитель мой, но поздно!
Ах, поздно будешь ты над мертвою рыдать,
Что принуждение твое могло мне грозно
Надежду и живот во младости отнять!
А ты почувствуешь, Мамай бесчеловечный,
Которой отнял нынче две жизни у меня,
Почувствуешь ты казнь и страхи бесконечны,
Как наша пред тебя приступит тень стена.
Селимов будет дух и мой тебе мечтаться
И лица бледные и кровь везде казать.
Из степи будешь в степь от страху укрываться;
Но места не найдешь, где б муки избежать..
Пока не видя ты своим мученьям краю,

Погибнешь в горести, прокляв последний час.
Сего, о небеса, тирану я желаю!
И в жертву приношу последний с кровью глас!
Уже мне вечность вход к блаженству отверзает,
И смерть зовет меня к спокойствию от трудов!
Героев светлый лик Нарсима там встречает.
А ты, мой дух, к нему еще ли не готов?
Ты к делу славному начто ослабеваешь?
Что должно потерять, то должно презирать.
Зачем, рука моя, конца не ускоряешь?
Мне легче смерть сама, как смерти ожидать.
Я смертью лишь могла, Селим, тебя лишиться,
Когда б наш век продлить изволилось судьбе.
Но ныне не хочу и в смерти разлучиться:
Ты умер для меня; я следую тебе.

(Хочет заколоться.)

Явление пятое

Селим, Нарсим и Тамира.

Селим

(схватив за руку и вырвав кинжал)

Я жив, дражайшая, я жив и торжествую!

Нарсим

Любезная сестра, твой здравствует Нарсим!

Тамира

(ослабевая)

Уже меж мертвыми я вижу тень драгую!

Селим

В каком отчаяньи!

Тамира

И дух Нарсимов с ним!

Селим

(к ослабевающей Тамире)

Тебя, дражайшая, Селим твой поздравляет,
Что враг наш погублен, уж больше не страшись.

Нас верность и любовь и счастье возвышает;
Великой радостью ты с нами ободрись.

Тамира

Возможно ль быть тому? Селим! Нарсим! я с вами!
Я с вами в жизнь еще увидеться могла?
Я вижу ясно, что рука твоя над нами,
О боже мой, в беде и в горести была!
Но мне Мамаева еще ужасна сила!

Нарсим

Умывшись в варварской рука моя крови
Вселенныя концы от страху свободила,
Мне мщенье воздала и вашей долг любви.

Явление последнее

Мумет, Надир, Заисан, Селим, Нарсим и Тамира.

Мумет

Нарсим, ты здесь! тебя я вижу, сын любезный?
Колику радость ты нечаянно принес!
Один ты иссушишь мои потоки слезны,
Что пролил мне удар разгневанных небес!
Мамаю не хотя Тамира быть супругой
Всего лишает нас, что нам он обещал
И что ты приобрел своей к нему услугой.

Нарсим

Я всю уж, государь печаль твою скончал,
И, побежден, к тебе с победой возвращаюсь;
Димитрий одолел; и враг наш поражен.

Мумет

Внимая странну весть, в сомненьи ужасаюсь!

Нарсим

Коль чудно я для вас от пагубы спасен!
Спасен, сей град, тебя, Тамиру и Селима
Избавить от беды, Мамаю погубив.

Повержен сопостат и разоритель Крыма,
Что полк мой низложил; чуть я остался жив.

Мумет

О небо!

Заисан

Ах, удар!

Тамира

О промысл милосердый!

Надир

(К Заисану)

Не мне ли в честь конец имеет наша прях?

Селим

Сама судьба есть щит любви нашей твердый.

Мумет

О льстивые слова коварного царя!
Скажи, любезный сын, скажи мне всё подробно
И сделай всем моим смущениям конец.

Нарсим

Не слыхано еще на свете зло подобно,
Какое предприял Мамай, тиран и льстец.
Уже чрез пять часов горела брань сурова,
Сквозь пыль, сквозь пар едва давало солнце луч.
В густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрелы падали дождевых гуще туч.
Уж поле мертвыми наполнилось широко;
Непрядва, трупами спершись, едва текла.
Различный вид смертей там представляло око,
Различным образом поверженны тела.
Иной с размаху меч занес на сопостата,
Но прежде прободен, удара не скончал.
Иной забыв врага, прельщался блеском злата,
Но мертвый на корысть желанную упал.
Иной, от сильного удара убегая,
Стремглав на низ слетел и стонет под конем.
Иной пронзен угас, противника пронзая,
Иной врага поверг и умер сам на нем.
Российские полки, отсюда утесненны,

Казалось, что в плен дадутся иль падут.
Мамай, растерзанны противных видя члены,
Великой гордостью промолвил мне надут:
«Нарсим, Дмитрия во узах предо мною,
Когда он жив еще, немедленно поставь;
Но ежели он мертв, с противничей главою
Поспешно возвратясь, мне радости прибавь».
Я, будучи его тобою отдан воле,
Немедля поскакал к российскому полку
Дмитрия искать в его стану и в поле;
По трупам перешел кровавую реку.
Со всех сторон меня внезапно окружили
Избранны воины Мамаевых полков
И тех, что круг меня вооруженны были,
Дерзнули сечь. Я тут узнал проклятый ков.
Узнал, что не вотще его я опасался,
И к защищению себя вооружил.
Один из них ко мне уж прямо устремлялся
И стрелу на меня в свирепости пустил.
Она, пробив мой щит, увязла посредине.

Мумет

К какой ужасной я послал тебя беде!

Надир

Трепещет грудь моя!

Селим

Коль близко был к кончине!

Нарсим

Внезапно шум восстал по воинству везде.
Как туча бурная ударив от пучины,
Ужасной в воздухе рождает бегом свист,
Ревет и гонит мглу чрез горы и долины,
Возносит от земли до облак легкой лист,
Так **сила русская**, поднявшись из засады,
С внезапным мужеством пустилась против нас;
Дождавшись таковой в беде своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой глас.
Во сретенье своим россияне вскричали,
Великой воспылал в сердцах унывших жар.
Мамаевы полки, увидев, встрепетали,
И ужас к бегствию принудил всех татар.
Убивцы от меня для страху удалились.
Я кверху смутные возвел свои глаза.
Тогда над русскими полками отворились

И ясный свет на них спустили небеса.
Ударил гром на нас, по оных поборая.
И подал знак, что бог на помощь им идет!
Глазами я искал и не нашел Мамай;
С бегущими и сам побег ему вослед.
Внимая страшный стон, с холма я оглянулся;
Какую пагубу увидел наших сил!
Увидел купно всех попоранных, ужаснулся!
Мамаю отомстить за всё я зло спешил.

Мумет

О счастье льстивое, как души ослепляешь!
Тамира, я тебя напрасно озлоблял!

Тамира

Ты словом сим живот с надеждой возвращаешь!

Селим

Уже я вознесен, как мой соперник пал!
И очи, государь, мои тем насладились,
Что отнял жизнь ему при мне любезный друг.
Когда мы на поле один с другим сразились,
Вооруженные наехали к нам в луг.
Я чаял, что Мамай с другими согласился,
Чтоб множеством меня коварно одолеть;
Однако я стоять против вооружился
И предпринял, лишась любезной, умереть.
Тотчас тут усмотрел любезного Нарсима,
Которой, яростью к Мамаю устремлен,
Летел к отмщению колеблемого Крыма.
Он тяжело восстенал, мечем сквозь грудь пронзен.
Как тигр уж на копье хотя ослабеваает,
Однако посмотрев на раненой хребет,
Глазами на ловца кровавыми сверькает
И ратовище, злясь, в себе зубами рвет,
Так меч в груди своей схватил Мамай рукою,
Но пал, и, трясучись, о землю тылом бил.
Из раны черна кровь ударилась рекою;
Он очи злобные на небо обратил.
Разинул челюсти! но гласа не имея,
Со скрежетом зубным извергнул дух во ад.
Нарсимовы слуги бездушного злодея
Остались истребить огнем последний яд.

Надир

Толь тяжело с высоты бог гордых повергает!

Селим

Вторично, государь, я ныне предложу
О том, к чему моя толь сильно грудь пылает
И жизни для чего своей я не щажу.

Мумет

Я с небом и с судьбой и с вами соглашаюсь,
Исполню, что велит любовь и красота.
Я счастием своим и вашим утешаюсь!
Живи в веселии, любезная чета.
Коль всем нам был сей день печален и ужасен,
Что мог нас в пагубе конечной утопить;
Толь будет навсегда он весел и прекрасен,
Что в оный промысл вас судил соединить.
Взаимная любовь меж вас не принужденна
Всегдашней верностью пусть даст иным пример.
Мамаева притом кичливость поражена
Других пусть устрашит гордиться выше мер.
К готовому теперь вы олтарю за мною
Последуйте пред ним в супружество вступить;
Клеониною я хоть оскорблен виною,
Но радость нынешня велит ей всё простить.

1750

ДЕМОФОНТ

Краткое изъяснение

После разорения Трои Демофонт, сын Тезея, царя Афинского, возвращаясь от Трои в отечество, противною бурей занесен был к берегам фракийским и с разбитого флота принят царевною Филлидою, дочерью Ликурга-царя, после которого смерти воспитал ее Полимнестор, князь и правитель Фракийский. В то время был он на войне против скифов, оставив под охранением Мемноновым с Филлидою невесту свою Илиону, дочь Приама, царя Троянского, приведенную прежде конечного разрушения Трои с братом ее царевичем Полидором, чтобы сохранить их от греков с присланным великим богатством. В отсутствие его Филлида с Демофонтом, возмев великую взаимную любовь, положили, чтобы, уговорясь с Мемноном, сочетаться между собою браком и принять правление государства, а Полимнестора отрешить от оногo. Между тем Демофонт, прежде жалостию, а после любовь к Илионе склонясь, сомненною страстию толь долго колебался, пока Полимнестор нечаянно в город пришел с победою; и отселе начинается сия трагедия.

Действующие лица

Демофонт, сын Тезея, царя Афинского.
Полимнестор, князь и наместник царский во Фракии.
Филлида, царевна Фракийская, дочь умершего Ликурга-царя.
Илиона, царевна Троянская,
дочь Приамова, невеста Полимнесторова.
Мемнон, правитель города Сеста.
Драмет, полководец Демофонтов.
Креуза, мамка Филлидина.
Вестник.

Действие происходит в Сесте, приморском городе фракийском, в царских палатах.

Действие первое

Явление первое

Филлида, Демофонт и Креуза.

Филлида

Он в сих уже стенах! о лютая напасть!
Ты знаешь, Демофонт, его велику власть.
Желание мое как может совершиться,
Где Полимнестора мой слабой дух страшится?
Начто ты отлагал, начто толь долго брак?

Демофонт

Мне строгая судьба повелевала так!
Но что великой страх?

Филлида

Еще ли вопрошаешь?
Давно, уже давно ты всё подробно знаешь,
Что мне с тех пор страшна понынь его гроза,
Когда родителю сомкнула смерть глаза.
Он, жизни своя последний час кончая:
«Прости, — сказал в слезах, — Филлида дорогая,
Живи и возрастай счастливо под рукой,
Что в возрасте тебя на трон возвысит мой.
Ты князю будь, как мне, до времени послушна;
Я ведаю, что мысль его великодушна». —
Промолвил и с тем дух последний испустил,
И Полимнестор власть над царством получил.
Через двенадцать лет коль сильно укрепился,
То видел ты теперь, но как ты не смутился?
И неподвижно как возмог смотреть на страх,
Которой был на всех и на моих очах,
Смущенных от его внезапного приходу?

Демофонт

Сие ли устрашит геройскую породу?
Или забыла ты, что я Тезеев сын?
Чего желаю я, то получу один.
И чаешь ты, чтоб тот сим видом взволновался,
Кто Гектора видал и в поле с ним сражался?

Филлида

О мужестве твоём не сомневаюсь я;
Иной напасти ждёт печальна грудь моя.
По всем признакам я, несчастна, примечаю,
Что к пагубе своей любовью пылаю.
Ты знал, что князя весь монархом чтит народ
И что владеть ему остался целой год;
В отсутствие его, уговорясь с Мемноном,
Мы брачным укрепить любовь могли законом.
И подданные все, увидев наш союз,
Отстали б от него, отвергнув тягость уз.
На храбрость бы твою надежду положили,
Против его свой дух и руки обратили.
Но ныне с воинством в сей город он вступил,
Победами своё правленье укрепил.
Он больше прежнего уж власть свою умножит,
По умыслам своим и брак мой расположит.
Но ты спокойно мог себя напасти ждать!
Как можешь предо мной себя ты оправдать?

Демофонт

Смущения твои, драгая, все напрасны,
И тени кажутся одне тебе ужасны.
Хоть Полимнестор здесь, но он, как твой отец,
Твоим сомнениям желанный даст конец.
Когда в младенчестве он был твой покровитель,
То будет ли в твоём уж возрасте гонитель?
И медленность моя вредить не может нам;
Пока я долг отцу в отечестве отдам,
То княжеско к концу владение достигнет,
И твой народ тебя и он на трон воздвигнет.
В Афинах укрепя престол свой, возвращусь
И, будучи царем, с царицей сопрягусь.

Филлида

Так можешь целой год пробыть и без Филлиды!
Такие ли казал сначала ты мне виды?
Когда свирепый вихрь разбил твои суда,
Когда ещё текла с одежд твоих вода,
Когда из челюстей насытыя пучины
На мой ты принят брег, спасен от злой кончины,
Ты так ли говорил? ты так ли припадал?
И так ли взор взводил, и так ли воздыхал?
Слезами и бедой твоей я умилилась,
На твой плачевный вид, на жалку часть склонилась.
Почти без чувств тебя я в дом свой привела,

Спокойство от трудов и жизнь тебе дала.
И для меня Мемнон явил тебе приятство,
Из недр морских извлек троянское богатство,
Которое тогда ж тебе возвращено,
И к ним сокровище мое сообщено.
Как можешь, что достал убийством ты и кровью,
Сравнить с тем, что тебе моей дано любовью?
Когда она двоих сердца уж сопрягла?
Я общим всё добром имение звала.
С сугубой хочешь в дом корыстью возвратиться,
Троянским и моим богатством возгордиться?

Демофонт

О как мне речь сия в печальну грудь разит!
Подумай, что теперь отец мой говорит:
«Меня противник здесь от царства отлучает,
А сын, о мне забыв, любовью ныне тает
И в роскоши, презрев естественный закон,
В ничто вменяет скорбь отеческу и стон».
Представь, дражайшая, ты гордого Мнестея,
Что хочет хищной снять рукой венец с Тезея,
И в старости ему он казнию грозит;
Представь себе, представь Тезеев скорбный вид.
Возлюбленный отец, о как ты воздыхаешь!
Ты взоры слезные чрез воды простираешь,
И наблюдаешь всех судов бегущих путь,
И на берег едва дерзаешь ты взглянуть,
Где злой тиран тебя насильно утесняет,
Тогда как Грецию отрада оживляет.
С победою пришли обратно там цари,
Восходит к небу плеск, дымятся олтари.
Троянским златом все блистают там чертоги,
Приемлют злато в дар отеческие боги.
Отцы и матери встречают там сынов,
И радость изъяснить недостает им слов.
Все слушают от них Приамову судьбину,
И Гекторову смерть, и славы их кончину.
А ты, родитель мой, утехи той лишен!

Филлида

Не мною ли он в сей печали погружен?

Демофонт

Такой мне от богов уже предел поставлен,
Что я хоть на сей брег от ярых волн избавлен,
Однако чтоб на нем в смущеньи утопать!

Филлида

Но я ли строгостью могла тебя смущать?
И кто препятствовал намеренью скончаться
И прежде князя нам на царство увенчаться?
И силу бы твою услышав там, Мнестей
Державы досягать дерзнул ли бы твоей?
Подумал ли бы он, что фраческая сила
И с ней рука твоя ему бы не отмстила?

Демофонт

Так хочешь, чтобы я не видел ныне Афин
И там не защитил отеческих седин?

Филлида

Ты, ведая мою любовь, как можешь мыслить,
Чтоб стала я своим веселием то числить,
Когда бы ты отца и скиптр свой позабыл?
Мне толь же, как тебе, поверь, отец твой мил.
Я, власть здесь укрепя, с тобой бы в Понт пустилась.
Ни острых камней я б, ни бурь не устрашилась;
Какую б радость твой почувствовал отец,
Увидев на тебе и свой и мой венец!

Демофонт

Не знаешь зависти меж греками, не знаешь!
И так ли два венца сокупить ты чаешь?
Лишь только дойдет весть к соседям через Понт.
Что принял от тебя власть царску Демофонт,
То, силою в боязнь приведены моею,
Все обще поспешат венец отдать Мнестею.
Мне прежде должно власть наследну укрепить
И после с оною твою сокупить.

Филлида

Не мысли, государь, чтобы младые лета
И слепота любви меня лишили света,
Чтоб мыслей я твоих приметить не могла,
Которы страсть к себе другая отвлекла!
И речь твоя тебя, и взгляды обличают
И сердца твоего всю тайну открывают.
Я вижу из твоих потупленных очей,
Что больше нет уже ко мне любви твоей.

Демофонт

Драгая, перестань терзать мой дух смущенный!

Филлида

Бежишь от глаз моих? уж мысли развращенны
Не могут утерпеть моих правдивых слов.
Уже ты к своему отшествию готов
И долее меня не хочешь удостоить.

Демофонт

Позволь, любезная, мне сердце успокоить!

Явление второе

Филлида и Креуза.

Филлида

Не ясно ль кажет мне его сомненна речь,
Что я слезам своим даю без пользы течь!
Ты видишь по всему, любезная Креуза,
Что он нарочно бег от брачного союза.

Креуза

Я сердцем трепещу, смущения боясь!
Что будет, как твою любовь узнает князь?
О Демофонте что, царевна, он помыслит,
Которого врагом со греками он числит?

Филлида

Могла ли я такой печали ожидать?
И что уже теперь, несчастной, мне начать?
Ты рок готовишь мне, возлюбленный мой, втайне?
Креуза, ах, поди, спеши, старайся крайне,
Вступи с ним обо мне в пространной разговор
И примечай слова, движения и взор.
Тебе покажут все вопросы и ответы:
Ты знаешь мыслей в нем наружные приметы.

Креуза

Дай, небо, чтоб в твоих намерениях всех
Был равен моему старанию успех!

Явление третье

Филлида

(одна)

Чтоб он любил меня, еще могу я верить?
И страсти в нем другой я не могу измерить?
Не тщетно ль жду того, что он мне обещал
И что мне клятвою стократно подтверждал?
Однако, так моей любовью одолженный,
Гнушаться мерзкия не будет ли измены?
Горячая его к родителю любовь
Не возмутит ли в нем такой напастью кровь?
Но я, ослеплена, причины вымышляю!
И, видя явну лесь, его же извиняю!
Ах, как мне ныне быть? и Полимнестор сам
Является моим, ах, полным слез очам!

Явление четвертое

Филлида и Полимнестор.

Полимнестор

Уже мне наконец приятною судьбою,
Царевна, суждено увидеться с тобою.
От взору твоего три лета отлучен,
Всегда против твоих врагов был ополчен.
Раздоры внутренни и внешни успокоил,
Противных победил и с ними мир устроил.
Неоднократно я всю кровь хотел пролить,
Чтоб царство для тебя недвижно утвердить,
Но щедрь небеса судьбину отвратили
И жизнь мою с твоим наследством сохранили.

Филлида

Что защищая ты во мне Ликургов род
На брани положить готов был свой живот,
За то благодарят тебя народы многи,
И чтят завистники, и любят сами боги.

Полимнестор

Сим счастием хотя я много веселюсь,
Но больше радуюсь я ныне и дивлюсь,

Увидев, что в мое отсутствие Филлида
И возрастом своим, и красотою вида
До тех достигла мер, когда уже любовь
Ликургову тобой восставить может кровь.
Едино совершить мне дело уж осталось,
Чтоб сердце чрез меня достойное сыскалось,
Достойное тебе быть ввек поручено.

Филлида

Усердие твое известно мне давно:
Хотя рука твоя сим царством, князь, владела,
Но я, лишась отца, в тебе его имела.

Полимнестор

Превыше ныне мер тобою я почтен,
Что именем я толь великим наречен.
Довольно, если б я того был удостоен,
Чтобы через меня народ был успокоен,
Которой в радости уже всечасно ждет,
Кого твой нежной взор и сердце изберет,
Чтоб царствовать с тобой на отческом престоле;
О счастлив, счастлив тот и всех он смертных боле!

Филлида

Я верю, что народ Ликурга не забыл,
Которой нравам он похвальным научил,
Но сколько от твоей он ревности желает,
Моя несчастна грудь того иметь не чает.
Я счастлива была б, когда твоя бы власть
Могла мне укрепить мою желанну часть.

Полимнестор

Хоть всею я еще Фракиею владею,
Но силы таковой н власти не имею,
Какая в нежности н младости твоей
Блится из твоих пленяющих очей.
Своею больше ты успеешь красотою.

Филлида

Коль мало пользовать могу себя я тою!

Полимнестор

Ты можешь ею всё...

Филлида

Узнаешь скоро сам.
Но время приносить тебе хвалу богам.

Явление пятое

Полимнестор и Мемнон.

Мемнон

Надеясь твоего в великий храм прихода,
Несчетно множество стекается народа.
Я войско по местам расставил, государь,
И жертву приносить богам готов олтарь.

Полимнестор

Какое принесу я им благодаренье,
Когда повержен я после трудов в мученье,
Когда меня любовь в спокойны дни крушит
И в мирные часы в груди сей брань чинит?

Мемнон

В тебе ли можно быть каким мученьям месту?
В спокойном торжестве ты видишь здесь невесту;
Геройску видишь дочь, геройскую сестру,
Пылающую к тебе в усерднейшем жару.
Всего лишась, она тобой была спокойна,
Супружества с тобой в несчастьи достойна.
Желание свое ты можешь совершить
И с браком торжество сие соединить.
Она после тебя минуты всё считала;
По Трое, по отце не столько воздыхала,
Как взору твоего крушилася лишась.
Коль часто слез река из глаз ее лилась!

Полимнестор

Что часть ее жалка, Мемнон, я признаваю,
С любовью купно скорбь для ней претерпеваю.
Сугубо чувствую я бремя на плечах!
И что, скажи, теперь я видел при брегах?
Чьи флаги на водах борей фракийский веет?
И что в намереньи Филлида здесь имеет?
Скажи и не утай, что было без меня,
Что в доме делалось и в сердце у нея?

Мемнон

Возможно ль от тебя мне, государь, таиться?
И должность, и любовь велит тебе открыться.
За полгода пред сим, когда здесь не был слух,
Где с воинством тебя водил геройской дух,
И после, как пришла во град сей весть плачевна,
Что Троию рушила в конец судьбина гневна,
Внезапно солнца вид на востоке стал багров
И тусклые лучи казал из облаков.
От берегу в дали пучина почернела,
И буря к нам с дождем и с градом налетела.
Напала мгла, как ночь, ударил громный треск,
И мрачность пресекал лишь частых молний блеск.
Подняв седы верьхи, стремились волны яры,
И берег заревел, почувствовав удары.
Тогда сквозь мрак едва увидеть мы могли,
Что с моря бурный вихрь несет к нам корабли,
Которы лютость вод то в пропастях скрывает,
То, вздернув на бугры, порывисто бросает;
Раздранны парусы пловцы отдав ветрам
Уж руки подняли к закрытым небесам.
Мы чаяли тогда Энеева прихода
С остатками троян, несчастного народа.
Объята жалостью, подвигнута бедой,
Царевна на берег без страху шла за мной.
Тут алчный Понт пожрал три корабля пред нами
И, в части раздробив, изверг на брег волнами.
Увидев, что с водой там бьется человек,
С рабами я спешил и на песок извлек.
Он, очи смутные со страхом обращая
И томные уста чрез силу отверзая,
К Филлиде, облившись слезами, говорил:
«Когда небесный гнев меня так поразил,
То я уже взирать на небо не дерзаю;
К тебе, богиня ты иль смертна, прибегаю,
Или, как чаю, сих владычица берегов,
Покрой нас и превьсь щедротою богов».
Царевна таковым подвиглась жалким слухом
И нежным, преклонясь, ответствовала духом:
«Спокоен будь теперь и отложи весь страх:
Не варварски сердца родятся в сих местах.
Хотя не знаем мы, какого ты народа,
Но бедным помогать велит сама природа!»

Полимнестор

Кто сей несчастный был?

Мемнон

Царя Тезея сын,
Он сердца нашея царевны господин!
Народ его, что с ним от пагубы избавлен,
Спокойством ободрен, и флот его исправлен.

Полимнестор

О вести странные! О чудный суд богов!
Но пойдем их спросить; я ко всему готов.

Действие второе

Явление первое

Демофонт, Полимнестор и Мемнон.

Демофонт

Ты склонность кажешь мне вся надежды боле!
И чем я заплачу твоей толь щедрой воле?
Я странствую, гоним от волн и от небес;
Ты в скорби, государь, отраду мне принес.

Полимнестор

И я тем веселюсь, что дивная судьбина
Тезеева мне здесь дала увидеть сына,
Которой мужеством ему себя сравнил
И тем под Троею героям общник был,
Которых на нее послали гневны боги.
Не вы, не вы, они Приаму были строги!

Демофонт

Умеренность твою чему могу сравнять?
Величеством души Приама больше зять!

Полимнестор

То всё еще теперь у промысла во власти;
Достигнет до своей и Илиона части!
От ярости богов убежит ли она,
Котору чувствует отца ее страна,
То день поставленный покажет нам, конечно!

Демофонт

Иль рвение богов на Трою будет вечно?
Когда уже и в нас смягчились сердца,
То им ли злобиться на бедных без конца?
Когда представляю я в уме своем **Приама**,
Терзаюсь мыслями от жалости и срама,
Что греческой рукой царева седина,
О варварство! в его крови обагрена!

Полимнестор

Теряет славу всю свирепством победитель,
Но часто должен он невольно быть мучитель,
Как надобно своих предохранить от зла.
Тебе всегда за то пребудет похвала,
Что о несчастьи поверженных жалеешь,
То злобу тем своих врагов преодолеешь.
Когда б жалели так отшед все греки прочь,
Сие б Приамову могло утешить дочь.

Демофонт

Мне знать других сердец движения не можно,
Но объявить сие могу тебе не ложно,
Что в жизни я себя великим бы почел,
Когда б ей доказать сердечну жалость смел,
Которую об ней...

Полимнестор

Я в том не возбраняю.
Но силы ласковым словам твоим желаю,
Дабы чрез оные уверилась она,
Что Троя от богов, не вами сожжена.
И видя, что о том, кто воевал, крушится,
Могла бы от тоски хоть мало свободиться.

Демофонт

Все силы положу, чтоб греков посрамить
И Илиону в той надежде утвердить,
Что те же, укротясь, восставят боги Трою.
О если б сею мог воздвигнуть я рукою!

Явление второе

Полимнестор и Мемнон.

Мемнон

Я, объявив его к твоей невесте страсть,
Дивлюсь, что ты ему даешь ходить к ней власть!

Полимнестор

Я не дал бы, но что ж? другое ныне время!
И боги с моего снимают сердца бремя.
Покажут щедрой те на Илионе суд,
Устроят всё об ней и счастье ей дадут.
Меня их власть к другой любви понуждает;
Мой дух противиться их воле не дерзает!

Мемнон

Что слышу, государь?

Полимнестор

От олтаря ответ!
Ты слышал в храме гром, Мемнон, и видел свет,
Когда я, приступив, пред Марсом преклонился,
И как от жертвы дым пред оным воскурился;
Тогда военный бог щитом своим потряс,
Блеснул очами вдруг и испустил сей глас:
«Для Трои на себя не привлекай ты гневу,
Врученную тебе люби век дочь цареву».
Толь ясные слова не смею толковать;
Я волю принужден бессмертных исполнять,
Чтоб быть Ликургова по власти оных трона...
Но ныне отступи: приходит Илиона.

Явление третье

Полимнестор и Илиона.

Илиона

Увидев, государь, наедине тебя,
Я смею ль речь зачать, твой дух не оскорбя?
Весь город, веселясь, в очах твоих сияет,
И, может быть, мой взор тебе лишь досаждает.

Боюсь, что я сему торжественному дню
И радости твоей препятство учиню!
Ты видишь пред собой не ту уж Илиону,
Что прежде, славою отеческого трону
Украшенна, тебе была обручена,
Со светлым празднеством в сей град приведена,
Но с Троею всего величества лишенну
И только лишь к тебе надеждой укрепленну.
Как сердце бы твое мне не было дано,
Осталось бы мне отчаянье одно.
Я в Трое, в Гекторе, в Приаме умираю
И только лишь к тебе любовьию дышаю:
Восставь и укрепи!

Полимнестор

Я должен сам упасть!
О строгая судьба! о горестная часть!

Илиона

Я вижу, государь, что разоренна Троя
Лишает и тебя веселья и покоя!
Но ежели тебе еще я так мила,
Как в те часы, когда из Трои я пришла,
То всю свою тоску в сей день преодолею,
И ты спокоен будь спокойностью моею.
И Гектор и Троиц, Гекуба и Приам
В тебе одном моим являются очам.

Полимнестор

Когда б я был тебе Парисом иль Приамом,
То был бы счастлив я уже в несчастье самом.

Илиона

Ты можешь, государь, теперь мне ими быть
И Троию на берегу фракийском защитить,
Которую еще не укротимы греки,
Наполнив кровию поля при ней и реки,
Коварно утеснять и здесь не престают
И места оные остаткам не дают.
В отсутствие твое бурливая погода
Разбила корабли противного народа.
Тезеев сын, от волн спасен, остался жив,
Здесь странствуя живет. Он, время улучив
(Того я знать не тщусь за правду иль притвором).
Мне часто о любви досадным разговором
Терзал мой скорбной дух, несносной сопостат,

Которого один мне пуще смерти взгляд.
Забыв все нежности Филлидины, дерзает
Другой любви искать, чрез что он объявляет,
Что он на всякой час на злость свою готов.
На всех он, государь, сплетает хитрый ков.
Отмсти ты за меня, отмсти ты за Филлиду,
За Троию, за весь род, за собственну обиду.

Полимнестор

Я сею б кровь его рукою пролил сам,
Когда бы было то угодно небесам!
Но воля их мою надежду пресекает,
И меч мой на него поднять не позволяет.

(На сторону)

Хотя одной постыл, хотя другой он люб,
Везде соперник мне и сопостат сугуб.
Сугубого в руках соперника имею,
Но мстить ему за то, о боги, я не смею!

(Указывая на Илиону)

За тем я вам ее на волю отдаю,
Вы дайте помочь ей, скрепите грудь мою
Исполнить ваш ответ!

Явление четвертое

Илиона

(одна)

Где мне искать покрова?
Не слышала теперь ни одного я слова,
Которым бы признак он нежности мне дал!
Что смутны от меня он очи отвращал?
Ах, Троя, ты, упав, любовь в нем разрушила!
Я вижу, что и здесь бессмертных гневна сила
Не престаёт троян остатки утеснять.
И тот уже меня не хочет защищать,
К которому меня во брачные чертоги
Поставила любовь, Приам и сами боги.
Что ныне предпринять очи велят ему?
Соперник Демосфонт сугубо почему?
Или к Филлиде он любовию пылает?
Но что ж сопернику отмстить он не дерзает?
И что меня еще вручает он богам,
Когда покрыть от бед скоряе может сам,
Когда они свой взор от Трои отвратили?
В какой вы пагубе нас, боги, погрузили!

Мы равну с греками имеем плоть и кровь,
И ваша быть должна ко всем равна любовь.
Но грекам вы отцы, троянам вы тираны:
Они вознесены, а мы лежим погранны!
Однако если так вас огорчил Приам,
Что кровию воздать не мог и Гектор вам,
Но в гневе вы своем хотели видеть Троию,
Зажженну в жертву вам противною рукою,
И войско, и народ, и стены истребить,
То что уж может вас на ярость побудить?
Представьте прежнюю Приамову державу,
Героев и полки, величество и славу,
Где ныне пепел, дым, развалины, и прах,
И кости на пустых рассыпаны полях.
Младенец лишь один с несчастною сестрою
Не может в бедности сыскать себе покою,
Почти уже пленен, живет в краю чужом!
Еще ли можете бросать на нас свой гром?

Явление пятое

Илиона и Демофонт.

Илиона

Еще ли умножать идешь мои печали?

Демофонт

Еще судьбы меня, еще к тебе послали,
Которые такой поставили предел,
Чтоб нежно сердце я всегда к тебе имел.
Коль часто, оскорблен, к тебе быть зарекаюсь,
Толь часто, преступив зарок свой, возвращаюсь.
Суровой твой ответ скрепил вчера мне грудь,
Но ныне с жалостью любовь открыла путь,
Сильнее прежнего, вошед в меня, пылает,
Что жалость о тебе сугубу представляет.
Оставленна от всех, лишенная всего,
Ужель слушаешь совету моего?
Подвигнут ли тебя мои потоки слезны,
Когда стенания и вздохи бесполезны,
Которы ныне ты пускала к небесам,
Являя жалкой вид бесчувственным очам?
Другой уже красой, поверь, они пленились,
От нежностей твоих вовеки затворились.

Илиона

Неверной!

Демофонт

И кому!

(Указывая на Илиону.)

Илиона

Подобен в том тебе.

Филлида ль от тебя сего ждала себе?

Демофонт

Он лакомству, а я любви поработился;
Он царством, я тобой, дражайшая, пленился.
Любви он и своей невесте изменяя,
Тебя освободил и оправдал меня.
Филлидин будет дух, поверь, о сем спокоен,
Что благодарность лишь, не жар мой к ней пристоеен.
Сугубо я свой долг ей из Афин воздам.
Тебе, дражайшая, я отдаюся сам.

Илиона

Как можешь требовать, чтоб я тебя любила?
Судьба и страсть меня другому поручила.

Демофонт

Преступнику!

Илиона

Пускай хотя б таков он был,
Или пускай бы нас Приам не обручил,
Но сносно ли бы мне твое желанье было?
И мысль одна об вас мне грозное страшило!
Когда представится в моем мечтанье грек,
Кровавы вижу я потоки наших рек:
Пылает дом отцев, сестру влекут из храма,
Рыдающе среди ругательства и срама.
Девиц троянских в плен окованных ведут,
По детям матери, терзая грудь, ревут.
Раздранны вижу там я Гекторовы члены,
И страшно в слух мой бьют валяющиеся стены.
Под каменным бугром несчастна стонет мать!
Возможно ли тебе любви моей желать?

Демофонт

Я общник, правда, был премены оной слезной,
Я стены разорял отца своей любезной!
Но может ли твой гнев, царица, и в сей час
Пылать против меня? еще ли не погас?
Не мною Гектор пал, не мною **Поликсена**
В незлобивой крови утасла обагрена.
Ах, если б я тебя еще до брани знал,
Противу греков я с мечем бы сим восстал.
Отец меня послал со воинством под Троию:
То много ли я тем виновен пред тобою?
Я дорого плачу потоки ваших слез
И больше зла терплю, как Трое я нанес!
Я в жертву дал себя грызущей нутрь печали
И больше сам горю, как Пергамы ¹ пылали.
Ты мучишь, хоть тебя всему я предпочел!
Бывал ли я когда таков троянам зол?
Но если не смягчит твой дух мои мученья,
Когда ты требуешь еще себе отмщенья,
Могу ль хотя тогда тебе я угодить,
Как грекам и себе за вас я буду мстить?
Мой дух к тому готов, и жизнь моя готова,
Я жду лишь от тебя, драгая, только слова.
Со мною станешь ты и с нами Полидор
С богатством на берегу в тени Троянских гор.
На слух со всех сторон фригийцы соберутся,
И к облакам верьхи Троянские прострутся.
Великость царств в одной не состоит стене,
Но в полной жителями, обильной всем стране.
Воздвигли Троию те, **сотренну Геркулесом**,
И ныне обновят, попоранну Ахиллесом.
Отец твой возвратил их силою весь вред,
Которой претерпел несчастливой твой дед.
По жребью получил я в Трое ту корону,
Чем твой отец венчан по древнему закону.
На Полидоров ту, на твой верьх возложу
И сетующему народу покажу,
Что паки жив Приам и обновляет Троию.
Но как возведена на трон свой будешь мною,
То можно ль мне себя такой надеждой льстить,
Чтобы мне у тебя и тем врагом не слыть?
Я больше для тебя, драгая, предприемлю,
Отеческу свою пренебрегая землю.
Там ждет меня своя порфира и венец,
Там ждет меня, крушась при старости, отец.

¹ Старое имя города Трои.

Илиона

Все вымыслы твои и речи бесполезны:
Оставь меня, не множь мои потоки слезны!
Кто может снова нам те стены соградить,
Которых не возмог и Гектор защитить?
Ни царство уж меня, ни слава не прельщает,
Которые в ничто судьбина превращает.
В любви моей не толь велика есть цена,
Чтоб честь твоя для ней была повреждена.

Демофонт

Слыть братом Гектору всей чести имя равно,
И в тот же впасть порок мне с Ахиллесом славно,
Оставил греков он, сестру твою любя:
Я то же сделаю и больше для тебя.
Ты удостой меня хоть взглядом, дорогая,
И посмотри, лице и очи примечая,
Возможно ли в моей груди таиться лести?
И можно ль больше мне страдания снести?

Явление шестое

Демофонт, Илиона и Филлида.

Илиона

(к Филлиде)

Любезная моя царевна, дай отраду.

Филлида

(отступая назад)

Я вам лишь наношу препятствием досаду!

Илиона

(удерживая Филлиду)

Оставленну от всех одна ты не оставь.

Демофонт

К чему злой рок привел...

Филлида

(к нему)

Теперь себя оправь...
Однако поспешай и обновляй ты Трою;
Забудь, что вечной срам туда пойдет с тобою.
Мои заслуги ты забудь и два венца,
И верность, и любовь, и совесть, и отца.
Но мне чтобы о сем и памяти лишиться,
Пойду, несчастная.. . но где мне будет скрыться?

Илиона

Я следую тебе, погибну иль спасусь.

Демофонт

Дражайшая, пожди, позволь...

Явление седьмое

Демофонт

(один)

Как я мятусь!
О коль свирепые в моем бьют сердце волны!
Противными страстями и грудь и мысли полны!
Я жалостью к одной и нежностью пленен,
Другой заслугами и должностью вручен.
Смотря на первую, пронзен, позабываюсь,
Но, на другу взглянув, я в совести терзаюсь.
Любовь, желанье, стыд, отчаянье, боязнь
Воюют внутрь меня: о коль велика казнь!
Где мужество мое? где крепость неизменна?
Лежит от слабостей моих преодоленна!
О как ты развращен, несчастной Демофонт!
Ах, лучше бы тебя покрыл волнами Понт!
Несчастье бы к одной тебя не обязало,
И сердце бы к другой без пользы не пылало.
Что делать уж теперь? и кто мне даст совет?

Явление восьмое

Демофонт и Драмет.

Демофонт

Скрепи, крепи мой дух, возлюбленный Драмет!

Драмет

Доколе, государь, ты будешь колебаться?
Доколе будешь в плен страстям здесь отдаваться,
Тогда как Греция того всечасно ждет;
Ужель Приамова наследства больше нет?
И ветры счастью ее споспешествовали,
Когда к сим берегам твой флот они пригнали.
И случай повелед, и Полимнестор сам,
Чтобы Приамов сын был отдан в руки нам.
Хотя еще он мал, но греков устрашает,
Что к нашей пагубе в нем Гектор возрастает.
Представь, когда на наш он устремлялся флот,
С мечем и с пламенем шумящим по верх вод.
Коль многие он слез и крови пролил токи
И раны наложил коль Греции глубоки!
Коль много славных он опустошил домов!
Коль много там сирот, коль много плачет вдов!
Все гречески цари с отцем твоим согласно
Тобою отвратить желают зло ужасно,
Чтоб стен Приамов сын, как он, не обновил,
Их детям и тебе потом бы не отмстил.
Но страсть твоя гасить те искры возбраняет,
От коих с прочими и твой град воспыхает.
Себе и обществу страсть вредну истребляй:
Коль долго случай есть, отечество спасай.

Демофонт

Оставило оно при старости Тезея
И защищать его не хочет от Мнестея,
То должно инде мне прибежища искать
И вместо помощи за то ему отмщать.

Драмет

Послушай, государь, речей моих спокойно:
Природе ли твоей начать сие пристойно?
Как может от чужих того желать Тезей,
Чего напрасно ждет от крови он своей?

Тебе отца спасти всего достоин прежде
И многих с ним царей не обмануть в надежде,
Которые тебя за верность наградят;
Когда ж преслушаешь, подумай, как отмстят!
Толь много царств покрыть все способы имеешь.
Филлида в путь с тобой спешит, что ты коснеешь?

Демофонт

Я выше бы всего Филлиду почитал,
Как Илионы б я на свете не видал!

Драмет

Ты должен предпочесть благодеянье страсти,
Послушать Греции, отца покрыть в напасти,
И очи отвратить, и запереть свой слух
От всех мечтаний тех, что, твой смущая дух,
Препятствуют скончать страх общий с Полидором.
Дерзай и не мяться себе приятным взором.
И промысл для того тебе сей случай дал,
Чтоб сердце мужеско теперь ты показал.
Пред всеми греками я буду в том свидетель,
Коль сильну страсть в тебе попрала добродетель.

Демофонт

Я знаю, что везде похвально то, Драмет,
Когда кто слабости уму под власть дает.
Мне совесть и отец, Филлида и все греки
Велят, чтобы забыл троянку я вовеки.
Но честь в одну страну, в другу любовь влечет!

Драмет

Там правда к торжеству, здесь прелесть в ров ведет.

Демофонт

Я вижу лучшее и, видя, похваляю,
Но худшему вослед, о небо, поспешаю!
Возникни, слабой дух, во мне и ободришь,
Войди ты сам в себя, внимай и осмотришь,
Где дочь Приамова несчастну грудь пронзила...
О чудна слабостей над крепким сердцем сила!
Каким путем, Драмет, я в сеть сию вошел?
Как Илиону я впервые усмотрел,
Представил во уме поверженную Трою
И, видя малые остатки пред собою,
Подумал, как ее внутрь люта скорбь грызет,

Что нет уже отца, ни храбрых братьей нет!
Печальна красота несчастьем умножалась
И в жалком виде мне прекраснее казалась.
Тут склонность жалости и склонности любовь
Последовала внутрь и вкралась мне в кровь;
Объемлет чувства все...

Драмет

Искореняй мысль злую
И первой тщишь любви поработить другую.

Демофонт

Я благодарность там любовью называл,
Как здесь саму любовь за жалость почитал.
Со обеих сторон понятием неясным
Покрыт, иду путем, со мною несогласным.
Я, чувствуя в себе их силу обоих,
Обеим следую и ни одной из них!

Драмет

Какой ни будь к тому ты приведен причиной,
Но сердце оставляй Филлиде уж единой
И слово данное и верность к ней держи.

Демофонт

Но как я то начну? любезной друг, скажи?
Прогневанной уже пред очи как предстану,
Глубоко от другой имея в сердце рану?

Драмет

Лишь только ты теперь себя преодолей,
Любовь ее к тебе возобновится в ней,
Сильнее прежнего от слез твоих вспыхивает.

Демофонт

Надежда чрез тебя уж дух мой ободряет;
Я ныне овладел толь сильными страстьми.
Поверь мне и мое сомненье отними,
Крепи в намереньи, хвали мою победу,
Не дай с похвального мне совратиться следу.
О верность искрення, ты, слабость истреби,
Дай силу мне склонить Филлиду и себя.

Действие третье

Явление первое

Филлида и Полимнестор.

Полимнестор

Царевна, совершив я должных жертв обряды,
Искал после трудов желанныя отрады,
Сраженья частые, далекие пути,
Труды, что для тебя одной я мог снести,
Велят отдаться мне любезному покою.
Но, усмотрев тебя печальну пред собою,
К спокойствию себя принудить не возмог
И утешать тебя последовал в чертог.
Каки противности тебя поколебали?
Я смею ли подать совет тебе в печали?
Я смею ль угадать, кто мог твой дух смутить,
И, угадав, тебя от скорби свободить?

Филлида

Не наводи, ах, князь, на мысль мне большей ночи!
И так уже стыдом мои покрылись очи;
Оставь наедине несчастную вздыхать.

Полимнестор

Тебя ли я могу терзаниям отдать?
И долг меня к тому, и ревность понуждает,
И младость, и краса твоя повелевает,
Чтобы от тщетных мук теперь тебя спасти,
От страсти свободить и в чувство привести.
Ах, что прельщаешься чужею ты страною?
Или отечество уж гнусно пред тобою?
Или такого в нем уже героя нет,
С кем в брак тебе вступить не предосудит свет,
Кто б равен греку был достоинств всех хвалою?
Я сердце знаю здесь, лишенное покою,
В котором верная сугубо кровь кипит
И в очи, и в уста жар внутренний стремится;
Не зная, будет ли тобой оно счастливо,
Мучения в лице изображает живо.

Филлида

Не верь, ах, князь, словам, и взглядам ты не верь,
По виду внешнему чувств внутренних не мерь.
Чужого сердца знать движений невозможно!

Полимнестор

Оно в груди моей; я знаю, то неложно!

Филлида

Что слышу я еще! Ты очи, князь, открой
И посмотри, что здесь Филлида пред тобой.
Теперь ты вместо мне желанныя отрады
Не умножай еще несносныя досады.
Меня, как дочь, любить принадлежит тебе,
Иного пламени не воспаляй в себе.
Не чувствуешь в своем ты сердце Илионы?
Где права естества, где божески законы?

Полимнестор

Когда бессмертные повергли уж троян,
Когда Приам, Парис и Гектор их попраи,
И острый меч пресек младый век Поликсены,
В крови и в пепеле дымятся падши стены,
Когда они весь род искоренить хотят,
Боюсь, что и меня с ним купно поразят.
Безумно грудь свою поставить против грома
И на богов восстать.

Филлида

О как ты делу злomu
Дать хочешь вид добра и страсть свою закрыть!
Престань передо мной и мыслию грешить.

Полимнестор

Или уж грех любить лице мне толь прекрасно?
Или, дражайшая, трудился я напрасно,
Когда я собственны забавы презирал
И день и ночь о том лишь только помышлял,
Дабы распространить еще твою державу
И, царски воспитав, твою умножить славу?
Приятнoстьми, что, мной покрыты, расцвели,
Кроме меня, владеть кто должен на земли?
Я нежил их восход и зрелости ждал жадно;

То плод их потерять мученье безотрадно!
Кто лучше моего здесь знает силу прав,
Обычай подданных и твой, царица, нрав?
И кто, как я, в узде удержит их свободу
И склонностям твоим отдаст себя в угоду?
Ах, вспомни, что Ликург при смерти говорил!

Филлида

Хотя владение тебе он поручил,
Однако сердце он в моей оставил власти.
Не могут повелеть цари любовной страсти.

Полимнестор

Так буду я, крушась, в чужих руках смотреть
На тую, что велят и боги мне иметь?
Я счастлив был бы здесь, когда бы я волнами
Пред сими из моря повержен был ногами:
Я сердцем бы твоим, царица, уж владел.
И что притом? другой любви искать бы смел!
Ах, сжался, погляди на отческие брега,
Исполнены везде приятности и неги!
Или они тебя не могут побудить,
Чтобы ты пришлеца старалась позабыть?
И реки, и поля, и горы воздыхают
И видом жалостным тебя увещевают:
Филлида, не лиши твоей нас красоты!
Того ль не чувствуешь? Того ль не слышишь ты?

Филлида

Престань такими, князь, терзать меня словами
И дай мне умягчить тоску свою слезами.

Полимнестор

Я, жалостью твоей смущаясь, отхожу,
Но ты сама себя суди одна, прошу.
Неверности отмстить ты полну власть имея,
Как можешь предпочесть защитнику злодея,
Пришельца своему и Демофонта мне,
Кроваву Грецию любезной той стране,
Где трон твой, где на свет впервые ты воззрела?

Явление второе

Филлида

(одна)

Нигде не слыхано толь злобственного дела!
Неверность круг меня, тая свой лютой яд,
Являет ласковой и полной желчи взгляд.
Присягу преступив, один подлог скрывает,
Другой не так меня, как скипетра желает.
Что ныне я начну, куда я обращаюсь?
Или от льстивого к неверному склонюсь?
Филлида, укрепись и бурям стань противу,
Закрой от них глаза, оставь надежду лживу.
Предписанного жди мучениям конца,
Неблагодарного забудь, забудь льстеца.
Но позабыть его чем больше я желаю,
Тем больше в мысль беру и тверже вкореняю!
Никак, любовь, тебе, никак не изменю.
Но что мне в том, когда его не преклоню?
Так стану преклонять преступника мольбою?
Так буду, Демофонт, я плакать пред тобою?
Как слезны станешь ты потоки презирать!
Но я, лишь обратись, готова всё начать!

Явление третье

Филлида и Креуза.

Креуза

Царевна, по твоей исполнила я воле.
Теперь уж ничего не остается боле,
Как только чтобы твой последний был приказ,
По коему сторит флот греческой тотчас.
Закрыты на судах лесистыми горами,
Стоят рабы твои с готовыми стрелами,
Чтоб пламень оными на корабли пустить
И Демофонтов путь в Афины прекратить.

Филлида

Пускай и сам огнем скончается, неверной!

Креуза

Ты, злобой на него вооружась безмерной,
Царевна, мерности при мщении держись
И безотрадного раскаянья блюдишь!

Филлида

Ты, зная от него меня теперь презренну,
Что мстить препятствуешь за мерзкую измену?
Мой пленной дух и так склоняется к нему,
Противится себе, противится уму,
И злобу нежная любовь одолевает,
То что ей твой совет, Креуза, помогает?
Что гнев мой прекратить твой хочет разговор?
Незлобия во мне не кажет ли мой взор?

Креуза

Ах, вспомни, как моим советом ты гнушалась,
Но ныне я твоей печалью оправдалась;
Тогда было тебе не слушать льстивых слов.

Филлида

И здоровой ум на всё не может быть готов.
А поступать в любви, Креуза, осторожно
И мысль знать по речам, поверь, что невозможно.
Там, кажется, ни в чем худых не будет следств,
Ни в чем не видно там необходимых бедств;
Опасность кажется сама в ней безопасна,
И очевидная ужасность не ужасна.
За страстью я своей не видела умом,
Что Демофонтов дом на берегу чужом.
И сладость, что текла прелестными устами,
Не жаром рождена, но хладными волнами!
Я думала ль тогда, что мне он только льстит?

Креуза

Минута жар зажгла, минута погасит.
Любовь с надеждою живет и умирает;
Отъезд его любовь и скорбь твою скончает.

Филлида

Так отпущу его, Креуза, не отмстив?
Так, насмеяся, он отсель уедет жив?
Но мне ли требовать от Демофонта мести?
Пусть жизни я лишусь! но жаль лишиться чести!

Казнить его спешу, но им еще полна;
Хотя отчаялась, еще ему верна!

Креуза

Исполненной тебе приятного толь яда
Противны способы, противна вся отрада.
Когда болящему сама болезнь любя,
То сила всех лекарств бездельна и слаба.

Филлида

Филлида, умирай, но возвративши славу,
Отмсти и презирай любовь, живот, державу.

Явление четвертое

Демофонт, Филлида, Креуза и Драмат.

Демофонт

Исполни праведно отмщение на мне,
Я оправдать себя не тщусь в своей вине.

Филлида

Креуза, что теперь? куда себя укрою?
Предерзостной предстал еще передо мною!

Демофонт

Вздыханиям моим, ах, небо, помоги!

Филлида

Преступник, удались, от глаз моих беги.

Демофонт

Позволь, позволь сказать хотя едино слово:
Я казни лишь прошу и ничего другого.

Филлида

Еще ли чаешь ты в коварности успеть?
Еще ли хочешь скрыть своих обманов сеть?

Довольно уж, что ты за все мои приязни,
Свидетелей богов не убоявшись казни,
Шесть месяцев ко мне горячность притворял,
Которой в сердце ты отнюд не ощущал.
Ты клялся бурями, войною, глубиною,
Что можешь лишь воздать мне за приязнь собою.
На то ль старалась я о кораблях твоих,
Чтобы похитить честь и жизнь мою чрез них?
Бог моря, бог войны, бог ветра, бог любви,
Как станут мстить, на месть твоей не станет крови.

Демофонт

Когда уже в моих словах нет столько сил,
Дабы уверить в том, что я тебя любил,
Что я не вольно впал в такое преступленье,
Что лютое терплю, раскаявшись, мученье,
Что делом я своим гнушаюсь и собой,
То будет в том мне смерть свидетель пред тобой.
Когда я не могу уверить в том слезами,
Уверься же теперь кровавыми струями.

(Хочет заколоться.)

Филлида

(хватая за руку, и с нею прочие держат)

Ах, дерзкой!

Драмет

Для богов!

Демофонт

(Филлиде)

Ты хочешь, чтоб я жил,
Когда уж я тебе и сам себе постыл?

Филлида

Ты хочешь смертию меня уверить злою,
Что пред тобой гнусна и жизнь твоя со мною?
Ты хочешь для того со света убежать,
Чтоб в жизнь несносная Филлиды не видать?

Демофонт

Чтоб жизни дать конец бесславной толь и слезной,
Чтоб тягостну не быть и небу, и любезной.

Драмет

(вкладывает Демофонту шпагу)

Не будь, ах, государь, себе и нам жесток:
Живи и верностью загладить тщишь порок.

Креуза

Вы вспомните залог любовного союза!

Филлида

Ах, то ли, то ли в нем любовь ко мне, Креуза,
Чтобы в глазах моих другу к себе склонять?

Демофонт

Затем ли не даешь живот свой мне скончать,
Чтоб слышал я свой срам, которой горше смерти?
Дай мне бесславию неверной кровью стерти!

(Опять хватается за шпагу, но они не допускают вынуть.)

Филлида

Свирепой, чаешь ты, я мало слез лила?
И мало для тебя я претерпела зла?

Демофонт

Причину зол твоих искоренить желаю;
Что ж воли от тебя на то не получаю?
Позволь мне умереть или прости вину,
С которой жизнь свою, раскаявшись, клянусь!
Когда б я мог сказать, твой гнев не умножая,
Как в мрачной ров ввела меня судьбина злая,
Какая внутри меня была тогда борьба,
То б ты уверилась, ах! коль ты мне любя!

Филлида

Ты любишь и бежать готов отсель всечасно!
Любить и прочь бежать, как может быть согласно?
Что толь несносное приметил ты во мне?
В какой я, покажи, обличена вине?
Я тем ли пред тобой, я тем ли погрешила,
Что, не крушив тебя, любовь свою открыла?

Демофонт

Чем ты безвиннее, драгая, предо мной,
Тем больше множится порок мой пред тобой,
Но ты мне отпусти толь тяжко погрешенье
И щедрой прослыви на свете чрез прощенье.

(На колени становится.)

Филлида

Ах, что желаешь ты еще меня крушить,
С надеждою во мне и муку обновить?
Непостоянством как, о как твоим терзаюсь!
Прошедшим мучусь я и будущим смущаюсь!
Иль волею в другой обман себя отдам?

(На сторону)

Но смерть мне не простить, простить — мне вечной срам.

Демофонт

Прости!

Драмет

Дражайшие сердца, соединитесь
И нежные любви законам покоритесь.

Креуза

(к Филлиде)

На жалость преклонись.

Филлида

О, как мой дух смущен!

Демофонт

Уверь, дражайшая, уверь, что я прощен.

Филлида

На что меня твои вопросы принуждают?
Не ясно ль слабости мои тебе являют,
Отчаянье, и скорбь, и слабая гроза,
Смущенные слова, и полны слез глаза!

(Поднимает.)

Свирепой, торжествуй! уже я признаваюсь,
Что тщетно в страсти я перед тобой скрываюсь:
Еще тебя люблю, хотя ты изменил.
Ах, что б я сделала, когда б ты верен был!
Хоть верности твоей едва я ожидаю,
Но радость всю в тебе и счастье полагаю,
В державе я своей приемлю твой закон,
Вручаю сердце, жизнь, отечество и трон!

Демофонт

Хотя о таком прощенье сомневаюсь,
Что в несказанном я пороке признаваюсь,
Но страх отъемлет мне возлюбленный твой вид,
Залога склонности твоей просить велит.
Позволь, дражайшая, принять свою мне руку
И вовсе истреби мою сердечну муку.

(Приняв руку, целует.)

Коль долго я сея держуся на земли,
Толь долго, небо, мне быть счастливу вели!
Я принял чрез нее спасенье от пучины,
Ее я лобызал, избавясь от кончины.
Я ею первой знак любви получил,
Кому, несчастной, ах! кому я изменил!
Ты, все противности мои позабывая,
Преступнику даешь прощение, драгая!
Бессмертные, когда оставляю я ее,
Мое исторгните от света бытие.
Пусть Понт пожрет меня свирепыми волнами,
Когда желанный брег уж будет пред глазами
Пусть буду на пустом песку, не погребен,
От птиц и от зверей на части расхищен!

Драмет

Любови обновив союз неоценённый,
Уж время поспешать вам в путь определенный.

Филлида

От Полимнестора как можем утаить?

Демофонт

Любовь моя, любовь всё может победить!

Действие четвертое

Явление первое

Полимнестор и Илиона.

Илиона

Какое счастье тебя ко мне ведет,
От коего мой дух еще отрады ждет?

Полимнестор

Я здесь искал тебя.

Илиона

Ужель стенаний сила
Тебя к несчастливой на жалость преклонила?

Полимнестор

Я, видя, что тебя сомнения мятут,
Что мысли разные себе предела ждут,
Пресечь и рушить их, царевна, поспешаю!
Тебе то будет всё приятно, уповаю,

Илиона

О небо, воссияй в мою затменну грудь
И сердцу томному дай ныне отдохнуть!

Полимнестор

Я не пришел к тебе, чтоб льстивые обманы
И сладкой яд влагать для большей скорьби в раны,
Но искренность моя не может утаить
Того, что боги мне велели совершить.
Я верность обещал хранить тебе неложно
И сохранял всегда, коль долго было можно.
Когда бы я к тебе любви не имел,
Когда б сердечной жар и ныне не кипел,
То мог бы я сказать, что клялся я заочно
И клятву преступить мне можно беспорочно;
Сказал бы, что, не зная я твоего лица,
Не красоту твою, но представлял отца,

Богатство представлял и в славной силе Трои,
И всё, что было в ней, я называл тобою.
Но я, довольствуясь достоинством твоим,
Гнушаюсь, помня честь, подлогом таковым.
И жалость, и любовь к тебе меня терзает,
И гневной мне ответ от алтаря смущает!
Ах, если бы и то подобной был подлог,
Ах, если б я и то почесть в неправду мог,
О, если б преступить возмог я без боязни,
Ни мне, ниже тебе не ожидая казни,
Что дал от алтаря мне строгой Марс в ответ!

Илиона

К надежде ли меня иль к пагубе влечет?

Полимнестор

С одной страны тебе надежду обещает,
С другой страны мое желанье пресекает.
Через греков небеса повергнули троян,
Через греков же хотят и исцелить от ран:
Их стены обновить героя посылают,
И красоты твоей меня они лишают;
Велят, которую я воспитал, любить,
Тебя, дражайшая, их воле поручить.
Их воле и тому, кто, воспален тобою,
Лежащу обещал тебе восставить Трои.

Илиона

Возможно ль, чтобы те ж нас боги сочетать
Хотели и тотчас невинно разлучать?
И можешь воле их немедля согласиться,
Как ежели она против твоей стремится?
Не смеешь против ней ты слова испустить.
Ах, тем ли хочешь ты неверность утаить?
Вотще ко храму ложь прибежище имеет;
Сквозь святости покров коварства яд чернеет.
Ты видом лишь одним последуешь богам,
Но делом восстаешь противу оных сам.
Ты хочешь скиптр чужой отнять, не устрашаясь.
Но с тронem упадешь, неправо возвышаясь.
Пускай что можешь ты в продерзости успеть
И младость нежную тиранством одолеть;
Какую чаешь в том себе иметь забаву?
Какую можешь тем снискать на свете славу?
Ты, ненавистию отвсюду окружен
И лютыми смертями по всяк час уstraшен,
От той самой, страшась, душею возмутишься,

Для коей преступить присягу не боишься.
Но правда чистая всегда пред тем скверна,
В ком злость проклятая живет вкоренена.
Когда бы ты еще имел любви хоть мало,
И сердце бы ко мне хотя легко пылало,
То мог ли б ты снести, чтобы кровавой грек
От взору твоего в полон меня повлек,
Дабы там в торжестве он мог меня представить
И, сопостат, себя в отечестве прославить,
Дабы с презрением народ увидел там,
Котору поручил тебе в чертог Приам.
Не лучше ли сказать, что ныне Илиона
Не блещет славою отеческого трона,
Что нын не льстит венец и не смущает страх,
Что в греческих гремел от Гектора полках!
Ты чаешь, что он мертв? он жив, уже встает;
Земля пред ним врата, тряхнувшись, отверзает!
О Гектор, поспешай, и за сестру отмсти,
И брата своего в младенстве защити!
Оружием звучит, огнем вооружен,
А ты, предатель мой, еще не уstraшен?
Мечем уж над твоей он головой сверкает.
Коль темна ночь глаза и дух мой помрачает!

Полимнестор

Ах, истинен твой гнев! я лютой твой тиран!
Но волей ли моей союз любви попраан?
Столь много речь твоя меня не укоряет,
Как совесть внутрь грызет меня и обличает!
Я строгой бы готов противиться судьбе
И в жертву принести себя одной тебе,
Но вижу, что тебя спасать лишь начинаю,
Я больше тем тебя, несчастну, погубляю.

Илиона

О жалость зверская, жалеть и убивать!
Незлобие мое ты можешь презирать?
Я в самой час, когда ты лютыми устами
Священный рвешь союз, положенный меж нами,
На ненависть себя принудить не могу
И, нудясь, на свое тебе я сердце лгу.
Но больше не хочу стараться быть любезна.
Уже моя к тебе надежда бесполезна.
Блится с красотой Филлидиной венец,
Мне слезы лишь одне оставил мой отец!
Бесчеловечной, что ты очи отвращаешь?
Ты тщетными со мной минуты все считаешь.
Уже ты не меня, но и себя забыл:

Твои все мысли с той, которой ты постыл.
С ней сердцем говоришь, ей следуешь глазами:
Я больше скучными не удержу словами.
Поди и ей клянись, как прежде клялся мне,
Свидетели всему на небесах одне.
Я знаю, что они того не позабыли,
Каков они союз меж нами утвердили.
Ты чистой жар ко мне бесстыдным погаси,
И сердце пред олтарь преступно понеси.

Полимнестор

Я с оным приступить к богам не обвинюсь,
Когда ответу их и воле повинуюсь.

Явление второе

Илиона

(одна)

Чего не может злость проклята предпринять?
Велит, забыв вражду, за грека посягать!
Велит мне позабыть отечества паденье
И братьей и сестры несносное мученье,
Как Гектор был погран, лишен по смерти гроба
Как матери моей растерзана утроба,
Пронзенный как Приам пред олтарем лежал,
В сыновней и в своей крови живот скончал!
Как мне не представлять ту ночь бесчеловечну
Что день троянский в ночь переменила вечну?
И лютых хищников торжествовавших крик,
Которой мне и здесь наносит страх велик,
Как греки, наших стен освещены пожаром,
На пагубу троян спешили в буйстве яром;
Через сродников моих стремились тела,
Из коих по земли густая кровь текла.
В такой ли отпустил чертог меня родитель!
Такой готовишь брак, о лютой мне мучитель!
Однако тем своих очей не насладишь;
Ты в ров влечешь меня, но сам над ним стоишь.
Пронжу мечем, когда любовь не уязвила?
Но мести слабыя мне недовольна сила:
Он должен, пагубу увидев, восстенать,
Вотще раскаяться, без пользы дух отдать.
И мечь моя ничто, когда он не узнает,
Что муку от моей руки претерпевает.
Уж время, что стою? но что хочу начать?
Я быть гнушаюсь здесь, и прочь не тшусь бежать.
Еще смущенным я умом того не вижу,

Люблю ли я его или я ненавижу!
С каким презрением оставил он меня!
Пустил ли каплю слез, вздохнул ли, отходя?
Но в слабом сердце сем еще он пребывает,
В отчаяньи еще надежда мне сияет.
Но в чем надежду я еще иметь могу?
Он в сердце вкоренил вовек уже другу!
Одна надежда мне надежды всей лишиться
И с братом в те ж места несчастливым укрыться,
Укроюсь? и своих не наслажду очей,
Как будет жизнь гнушаться он своей?
Когда безвинного он вместо Полидора
Сыновнего, прельщен, вовек лишится взора,
Как в греческих руках заплачет Деифил,
Которого отец на муку им вручил?

Явление третье

Илиона и Мемнон.

Мемнон

Ты жалобы оставь, царица, бесполезны;
Помогут ли тебе теперь потоки слезны?
Троянские спасать остатки поспешай
И брата от руки противничей скрывай.

Илиона

Когда уже и здесь мы не нашли защиты,
То кем, несчастные, мы можем быть покрыты?

Явление четвертое

Мемнон

(один)

Как в свете все дела преобращает рок!
Сегодня свержен вниз кто был вчера высок.
Сей час нам радостен, но следующей слезен;
Тот вечером постыл, кто утром был любезен.
Давно ли Трои верьх касался облаков,
Где ныне смрадными костями наполнен ров?
Давно ль со славой дочь Приамову встречали,
Что нынь отверженна терзается в печали?
О ты, величества и бедности пример,

Подобие небес, подобие пещер!
О Троя, ты сердца геройские родила
И в пепеле своем, упавши, их покрыла!
Начто оставлен здесь с сестрою Полидор?
Начто не погребен среди Идейских гор?
Ах, лучше б со стены низринуту разбиться
И ей в крови своей невинной обагриться,
Со братними костями соединясь, лежать
И купно пепел свой с отеческим смешать,
Как ныне, приклонить куда главу не зная,
Не видеть горести неслыханные края!

Явление пятое

Демофонт и Мемнон.

Демофонт

Что медлишь здесь один, любезный мой Мемнон?
И что из глубины ты выпускаешь стон?
Никак, препятствия в намереньи случились,
И наши тайные советы уж открылись?

Мемнон

Опасности ни в чем не видно никакой,
И флот к отшествию со всем исправлен твой;
Филлида на него по всякой час взирает
И по стопам твоим во след идти желает.
Лишь только тьмой твои суда покроет ночь,
От наших берегов пустись счастливо прочь.
В отсутствие твое, в отсутствие Филлиды
Правление земли другие примет виды.
Дотоле князю я от ревности служил,
Пока он правду сам и искренность хранил,
Но ныне он свои законы преступает
И тем от них меня и прочих освобождает.
Ты ревность искренню к царевне сохрани,
И, утвердив престол в Афинах, не косни,
Воспомянай всегда мое последнее слово:
Здесь сердце подданных принять тебя готово.

Демофонт

Ты в пользу способы нам все употреби,
Прости, и обоих в отсутствии люби.

Явление шестое

Демофонт и Филлида.

Филлида

Ты видишь, что тебя я ради предприемлю?
Дерзаю чрез валы идти в чужую землю!
Не Полимнестора я устрашась бегу,
Но взору твоего лишиться не могу.
Хотя пучины я бурливой устрашаюсь,
Но и в опасности с тобой не опасуюсь.
Когда ты мне не льстишь, когда ты верен мне,
То верен будет нам и путь во глубине.

Демофонт

Хоть тягостны труды, но наградит отрада,
Когда достигнем мы отеческого града.
Коль радостно тебя увидит там Тезей!
Какое множество сберется там людей!
Признаки по путям побед моих поставят
И песни брачные к торжественным прибавят.
Прекрасно солнце, ты зайди за глубину,
На горизонт пусти скорее тьму ночну,
И прежде не блистай пресветлыми лучами,
Пока сей брег от нас не скроется валами,
Сей брег, от коего мы ныне прочь бежим,
Но неотступно внутрь сердец его держим.
Меж тем с Мемноном скрыть я должен нам дорогу.
Чтоб, ежели княжеск полк ударит вдруг тревогу,
Успели в городе нам верные полки
Спасти нас от его коварныя руки.
Пожди, дражайшая, пожди меня минуту.

Явление седьмое

Филлида и Креуза.

Филлида

Оставшись, чувствую тоску на сердце люту.
Любезная, ко мне, Креуза, ах, поди
И в ожидании мне время проводи.
Что смутной в землю взор, унывши, потупляешь?
Ты стонешь! Ах, о чем ты слезы проливаешь?
Далекого пути, драгая, не страшись,
Забудь всё и моим примером укрепись.

Креуза

Не путь меня, не путь далекой устрашает.
Но близкая беда все чувства отягчает.
Коль много терпишь зла от нежной простоты!
О коль коварен он! о коль злосчастна ты!
Нигде надежды нет, нигде нам нет успеху!
Нам отнял в скорби рок последнюю утеху!

Филлида

Престань смущать меня безвременно таясь.
О как я извинюсь, когда уведал князь?
Но Демофонт ко мне поспешно возвратится.

Креуза

Ты больше на него не можешь положиться!

Филлида

Ах, сердца не пронзай...

Креуза

Хоть поздно, будешь знать
И время не велит несчастья умолчать.

Филлида

Коль долго, небеса, вы будете мне строги!

Креуза

Я, мимо проходя троянские чертоги,
Увидела, спешит из них к судам Драмет,
Младенца на руках закрытого несет
И озирается страшливыми глазами.
Я, видя тут рабу, обмытую слезами,
Спросила, для чего она стоит смутна?
Ответствовала мне: «Царевна предана!
И князь, не убоясь ни бога, ни закону,
В супружество дает другому Илиону,
И придет, говорят, поспешно Демофонт
Бессчастну тайно взять и увезти чрез Понт!»

Филлида

Ах, лютой мой злодей, как мог ты притвориться!
И как посмела я на лживом утвердиться?

Но помощи уж нет! Креуза, ах, спеши
И в злом отчаяньи несчастной послужи;
Вели пуститься в Понт стоящим под горами
И воздух огустить горящими стрелами,
Чтоб тучей огненной покрылись корабли.
Не медли.

Явление восьмое

Филлида

(одна)

Есть ли кто лукавей на земли!
Меня оставив здесь в приятной толь надежде
И больше нежности мне показав, как прежде,
В последни из моих пошел прельщенных глаз!
О лютая судьба! о, коль свирепой час!
Я твоего стою прихода ожидая,
Когда в путь за тобой последует другая!
Но ты, продерзкой, сам почувствуешь тоску:
Огнем в середине вод я путь твой пресеку.
Когда ж не возмогу, то кровь моя струями
Тебя изобличит, кипя вослед с волнами.

Действие пятое

Явление первое

Филлида, Мемнон и Креуза.

Мемнон

Багряные лучи закрыла уж заря,
Из глаз отъемлет ночь и землю, и моря.
Я с мраком вдруг имел и мысли помраченны,
И представляя в уме полки вооруженны,
Дабы тогда, как ты плывешь между валов,
Присутствовала мной у здешних берегов,
Чтобы фракияне тебя здесь ощущали,
Хотя б отшествие твое отсюда знали.
Но ныне я тебя увидел здесь еще!

Филлида

Намеренья мои погибли все вотще.
Я верила словам, Мемнон, ах, полным яду!
Теперь мне кто подаст, отчаянной, отраду?

Мемнон

Какая ныне скорбь мрачит твой снова дух?

Филлида

Такою наглостью не оскорблен твой слух?

Мемнон

Какою?

Филлида

Демофонт с троянкой прочь отходит
И в пагубу меня конечную приводит!

Мемнон

Не представляй себе несчастья сего...
Но к нам Драмет спешит; уверься от него.

Явление второе

Филлида, Мемнон и Драмет.

Драмет

Царевна, корабли стоят готовы к бегу,
И только ждут они тебя одной со берегу.
Способной аквилон, покрытой горизонт
К отшествию с тобой имеет Демофонт.

Филлида

Троянке буду я последовать рабою?
Я волею пойду, как пленница, с ним в Трою?
Оставя свой престол, я буду там взирать,
Как будет он себя на царство с ней венчать?

Мемнон

Я вижу, мнение тебя терзает ложно.

Драмет

Приамова дочь здесь.

Филлида

Как быть тому возможно?
Когда ты брата взял уже на корабли,
Сестра ли от него осталась на земли?

Драмет

Уже теперь таить не дозволяет время.
Тебе известно, что троянско грекам племя
Противно на сердцах, ужасно на полях:
Остатки оного еще наводят страх!
Затем я тщился здесь младого Полидора
От Илионина вовек отторгнуть взора
И ныне я могу уж грекам показать,
Что Троя больше их не может устрашать.
Троянские восстать не могут больше стены:
Не может впредь Парис похитить в них Елены.

Филлида

Ах, коль ужасна весть! как бедство отвратить?

Мемнон

Ах, небо, как могло сие ты попустить?
Несчастливая сестра какую скорбь терпела!

Драмет

И кровь во мне самом от жалости кипела,
Как в Илионин я посмел вступить чертог,
Но воли преступить отечества не мог.
Она едва в слезах промолвила, рыдая:
«Когда нас истребить судьбина хочет злая,
Когда нас предает кто должен защищать,
Осталось от самих врагов отрады ждать.
От рук неправедных покройте бедных, греки,
Хотя свирепы вы, однако человеки.
От вас я избежав вселилась меж зверей,
Что носят на себе лишь вид один людей», —
Промолвила и мне сама вручила брата.

Мемнон

О скверная алчба могущества и злата!

Филлида

Но где мой Демофонт?

Драмет

Чтоб ты могла прийти
Безбедно на суда, от берегу по пути
Он ставит стражей сам, затем что ветер способной
Прибавил много сил в час, к плаванию удобной.

Филлида

Креуза, отвратить несчастье поспеши
И руки злобные от гнева удержи!

Креуза

Раскаянье твое едва ль уже не позно.
О небо, проводи без казни время грозно!

Явление третье

Филлида, Илиона, Мемнон и Драмет.

Филлида

(увидев Илиону)

Коль нерассудно злюсь, любезной, на тебя!

Илиона

Царевна, от меня что хочешь скрыть себя?
Не скучным досаждать к тебе иду я спором
И не завистливым о счастье разговором,
Но слезы горькие перед тобой пролить
И бедным помощи в гонении просить.
Невинной Полидор на пагубу от муки
И из тиранских взят в противнически руки.
Один ваш будет путь, но разной там конец.
Его свирепа смерть, тебя там ждет венец!
Ты, ведая меня и мыслями в том невинну,

Чтоб я к смущениям твоим дала причину,
Драгая, не имей ко мне на сердце зла,
Но, помня, какова любовь меж нас была,
Ты будь поверженным защита и подпора,
Предстательством спаси от смерти Полидора.
Достигни счастливо тебе желанных стран,
Чтоб мучился, лишась надежды, наш тиран.

Филлида

Я чувствовать могу болезнь твою сердечну,
Коль тягостно нести злость толь бесчеловечну!
Но тот, кто должен сам спасения искать,
Как может оное другому обещать?

Мемнон

(оборотясь на сторону)

Что ночи темноту над морем прогоняет?

Филлида

Ах, люта злость мою надежду пресекает!

Драмет

Чем небо нам грозит!

Филлида

Где помощи искать?

Спеши со мной, Драмет, спасать и умирать.

Явление четвертое

Илиона и Мемнон.

Мемнон

Несчастье наше все советы разрушает
И предприятый путь Филлиде запирает.
Горит несчастного, ах, Демофонта флот
И помощи лишен среди глубоких вод!
О сжальтесь вы хотя, морские сжальтесь волны.
Восстаньте на пожар, восстаньте гнева полны.
Дождевны облаки, о небо, раствори
И вихри пламенны потопом усьмири!
Но крик при берегах, и большой страх от треску,

И умножение сияния и блеску
Погибелию нам, отчаянным, грозят.

Илиона

Теперь противникам за Троию боги мстят.
Когда они троян державу разрушили,
Свирепством и богов ко гневу побудили.
Они их, отпустив от наших берегов,
Хотят всех погубить среди крутых валов.
А ты об них, Мемнон, печалясь, воздыхаешь.
Ты Троию разорять тиранам помогаешь.

Мемнон

Когда бы ведала намеренья мои,
Оставила бы ты роптания свои.
Кто может ближе всех к Приамову быть трону,
Как тот, кому он сам в чертог дал Илиону?
И кто Ликургов здесь наследник должен быть,
Как тот, кого могла Филлида полюбить?
Я обою к концу привести желал, царица,
Но вижу, рушит всё вконец судьбина гневна,
В коварных умыслах успех имеет князь!
Как может дать ответ Филлида, возвратись?
Флот ныне греческой ему уж не ужасен:
В желании своем он будет безопасен.
Неизбежимая тебе грозит беда.
И мне, бессмертные, достойна та ли мзда?
Кто ныне нас спасет?

Илиона

Тот бедство презирает,
Кто больше уж себе спасения не чает.
Ни молния меня, ниже Зевесов гнев,
Не может устрашить: ударь, не укоснев!

Явление пятое

Илиона, Полимнестор и Мемнон.

Полимнестор

Афинской флот горит!

(К Илионе)

Ты здесь? И где Филлида?

Илиона

Гнушаясь твоего несносного ей вида,
Ни пламени, ни вод бежит не устрашась.
Я здесь и, чтоб тебя тоской терзать, спаслась.

Полимнестор

Нечаянная мне и строга перемена,
Которою скорбит душа моя смущенна!

Мемнон

Теперь услышим мы, к чему нас рок влечет!

Явление шестое

Полимнестор, Илиона, Мемнон и Вестник.

Мемнон

Какой судьба конец смятениям дает?
Чем пламень нам грозит, свирепствуя над Понтом?

Вестник

Филлиды больше нет с любезным Демофонтom!
Лишилась жизни!

Мемнон

Ах!

Полимнестор

Несносной мне удар!

Илиона

Ах! Как плачевный погас любви жар?

Вестник

Толь много бедств сказать лишь только начинаю,
Откуда мне начать, я в ужасе не знаю!
Когда покрыла ночь со флотом глубину,
Мы ждали на него Филлиду лишь одну.

Поставив Демофокт суда ко берегу строем,
Чтобы любезную привести на них с покоем,
На встречу к пристани лишь ехать поспешал,
Куда ее привести Драмета он послал.
Внезапно из-за гор там весла зашумели,
И стрелы огненны до облаков взлетели.
Упали с высоты на нас, как сильной град.
Уже на кораблях снаряды все горят!
Пылают парусы, валятся райны в море,
В дыму и шуме там лишь только слышно: «горе!»

Илиона

О, коль великой страх!

Мемнон

О, лютая гроза!

Полимнестор

Объемлет сердце хлад и мрак мои глаза!

Вестник

Там вихри по воде свирепы закрутились,
Противны две на нас стихии согласились.
И каждой там удар огонь в валах рождал
И влажностью жар и пламень умножал.
Иных пожгла огня неукротима сила,
Иных несытая пучина поглотила.
И как я с корабля старался в бот сойти,
Я Демофонта вдруг увидел на пути.
Пронзен, окровавлен, едва уже дышает,
Стрела еще в груди зажженная пылает.
Я, в страхе восстенав, других на помощь звал,
От двух смертей исторг и к берегу с ним пристал,
Но в сердце третия трепещущем осталась:
Любезная душа от тела разлучалась.
Еще он, ах! тогда из глубины вздохнул
И слабым голосом Филлиду помянул.
На берег, пламенем шумящим освещенный,
Филлида к ним спешит, Драмет с ней устрашенный.
Увидела его безгласна пред собой,
Старалась во слезах поднять его рукой
И речью возбудить хотела бесполезной:
«Промолви, Демофонт, промолви, мой любезной»,
Он мрачные еще глаза свои открыл
И, на нее взглянув, в последни затворил.
Промолвить силился еще между стенаньем,

Но речь свою пресек последним вздохом!

Илиона

Несчастливой любви несчастливой конец!

Мемнон

Как будет рыдать оставленной отец!

Вестник

Филлида с горестным стенанием возгласила:

«На то ль, чтобы убить, тебя я полюбила?

И так ли путь пресечь тебе хотела я?

Не ты неверен, я изменница твоя.

Ах, пусть бы ты ушел, ты мог бы возвратиться,

И я еще б могла хотя надеждой льститься.

Теперь тебя ко мне никто не возвратит,

И только смерть одна с тобой совокупит».

Промолвила и вдруг кинжал во грудь вонзила

И путь себе за ним со света отворила.

Креуза рвет власы; отчаянной Драмет

Вотще над холодными телами слезы льет.

Илиона

Мне поздно смерть ее надежду возвращает.

Мемнон

Ах, в ней теперь Ликург вторично умирает!

Полимнестор

Теперь мне отнята надежда до конца!

Презрела ты меня, послушала льстеца

И с ним в отчаянии, о дерзка, умираешь!

Однако тем моих желаний не скончаешь.

Я столько на земли тебе противен был,

Что свет тебе со мной, Филлида, стал не мил.

И чтобы мною ты очей не раздражила,

Прекрасны очи ты вовеки затворила.

Ты от меня бежишь за Демофонтом вслед

И чаешь, что уж там меня твой взор минет?

Гнушаешься еще ты после смерти мною?

Или не смею стать я там перед тобою?

Я следовать тебе не утрашусь во ад

И стану там казать тебе противной взгляд.

Я буду там стенать, трястись в несносной казни
И к жалости тебя подвигну и к боязни.
Ты там, чтоб от меня могла себя укрыть,
Не можешь уж себя в другой раз умертвить.
Что долго смерти ждать?

(Хочет заколоться.)

Илиона

(схватив за руку)

Пожди еще минуту:

Не всю ты претерпел на свете муку люту.

(К вестнику)

Младенец, что Драмет похитил на суда,
Спасен ли?

Вестник

Погубил огонь или вода.

Полимнестор

Бесчастной Полидор!

Илиона

Деифил неповинной!

Ты лютости моей, тиран, был сам причиной.
Рачением моим закрыт мой Полидор
От злобы твоея Фракийских дале гор.
За наглости твои, за зло непостоянство,
За гордой мне отказ, за мерзкое тиранство
Мне промысл пособил в сей час тебе отмстить
И сына твоего противникам вручить.
Но месть сия легка явилась пред богами:
Деифила сожгли они между валами.
Мне должно бы его на части растерзать
И, растерзав, отцу на пищу сына дать,
Дабы к тому твоя несытая утроба
Рожденному тобой служила вместо гроба.

Полимнестор

Ах, что еще в мои глаза блистает свет?
Филлиды больше здесь и Деифила нет!
Я ныне скипетр, власть и славу презираю
И только громного удара лишь желаю.
Еще я не могу богов к тому склонить,
Прощением на казнь и злобой побудить?
Но смерти что ищу на казнь себе напрасно?

Я чувствую в себе мучение ужасно!
Филлида, Демофонт и ты, ах, Деифил!
В середине сердца мне геенну воспалил.
Какая круг меня бунтует непогода?
То мерзостью моей гнушается природа!
Светила идут все обратно на восток:
Законы естества преобращает рок.
Все боги на меня, что Трою защищали,
За дочь Приамову против меня восстали.
Нептун стремится на брег морскую глубину,
Пожрать меня бежат чудовища по дну;
И вечные Плутон заклепы отверзает,
Рыгает в воздух яд и звезды помрачает.
Зияет челюстями несътой Флететон:
Тиранов слышу там бесчеловечных стон.
Но что еще? между ревуших ветров спором
Является Зевес пламенновидным взором.
Меж мрачных и грозой отягощенных туч
Из рук его гремит быстротекущий луч.
Суровая змия мне сердце, ах! сдает,
И внутрь и вне болезнь и страх меня терзает.
Разверстая земля, кровавы небеса,
Кипящие моря, горящие леса
На пагубу мою себя готовят.
Но в бездну долго что меня не погружают?
Когда меня терпеть не может естество,
Скончай меня, скончай, о сильно божество!

Между декабрем 1750 и ноябрем 1751

КОММЕНТАРИИ

Тамира и Селим. Отд. изд., Спб., 1750. Написана по «изуственному указу» Елизаветы, повелевшей «профессорам Тредиаковскому и Ломоносову сочинить по трагедии». В отчете за «майскую треть» 1750 г. Ломоносов указывал, что «начал сочинять трагедию», а в следующем отчете упоминает, что закончил «Тамиру и Селима» в ноябре (ПСС. Т. 10. С. 382—384). 1 декабря 1750 г. трагедия была разыграна кадетами Сухопутного шляхетного корпуса и повторена 9 января 1751 г. Вымышленный «экзотический сюжет» — поход «багдатского царевича» против крымского хана и любовные перипетии — сочетается с поэтической обработкой эпизодов русской истории (см.: Моисеева Г. Н. К вопросу об источниках трагедии М. В. Ломоносова «Тамира и Селим» // Литературное творчество Ломоносова. М.; Л 1962. С. 253—257).

Краткое изъяснение.

Кафа — главная гавань Крыма, откуда велась торговля с Востоком. Была расположена на месте нынешней Феодосии. После Куликовской битвы Мамай собрал большую рать, но был разбит Тохтамышем на берегах Калки, бежал в Кафу, где был убит генуэзцами.

Натолия — Анатолия (в значении: Малая Азия).

Действие первое.

Ольг — князь рязанский Олег Иванович, которого Мамай вынудил к союзу. Обещав помощь Мамаю, Олег уклонился от похода, но не примкнул и к Димитрию.

Олгерд Гедиминович (1341—1377) — великий князь литовский.

Действие второе.

Эвксинская пучина — Черное море.

Владимир нам пример и храбрый Мономах. Ломоносов сближает исторические заслуги великого князя Владимира Святославовича (ум. 1015), который, заняв Корсунь (Херсонес Таврический), принял в 988 г. христианство и вступил в брак с греческой царевной Анной, и Владимира Мономаха (1053—1125), отражавшего набеги кочевников-половцев.

Непрядва. При устье Непрядвы стояли русские войска перед битвой на Куликовом поле (8 сентября 1380 г.).

Челубей — татарский витязь, убитый на поединке русским богатырем Пересветом перед началом Куликовской битвы.

Действие третье.

Хозрой — Хосрой I Ануширван (531—579), иранский шах, возвысивший государство Сасанидов.

Действие пятое.

Сила русская. Во время Куликовской битвы русские полки под начальством князя Владимира Андреевича и воеводы Дмитрия Волынского-Боброка, находившиеся в засаде, вступив в битву, решили ее судьбу.

Демофонт. Отд. изд. Спб., 1752. Ломоносов начал сочинять «Демофонта» в декабре 1750 г. и закончил не позднее ноября 1751 г. (ПСС. Т. 10. С. 383). В основу трагедии положены греческие сказания в позднейшей переработке Овидия («Героиды») и других писателей. Сюжет скомпонован и разработан Ломоносовым самостоятельно.

Действие второе.

Приам. У Гомера ничего не сообщается о его смерти, но в «Энеиде» Вергилия говорится, что во время падения Трои жена Приама Гекуба уговорила его искать спасения в храме у алтаря Зевса, где его убил сын Ахиллеса Неоптолем.

Поликсена — дочь Приама. По поздним сказаниям, греки принесли Поликсену в жертву богам.

Сотренну Геркулесом. Имеется в виду первый поход на Трою Геркулеса (Геракла), взявшего город и убившего троянского царя Лаомедонта и всех его сыновей, кроме Приама.